

ELIZABETH ABBOTT

*A
History
of Mistresses*

И Элизабет Эбботт История куртизанок

 ЭТЕРНА
2014

УДК 930
ББК 63.3
Э13

Elizabeth Abbott. A History of Mistresses

Conceil des Arts an Canada

*Издательство выражает благодарность канадскому Совету по искусству
и канадскому Министерству иностранных дел и внешней торговли
за финансовую поддержку в издании книги*

Дизайн – Александр Архутик

Эбботт, Элизабет

Э13 История куртизанок / Пер. с англ. М. М. Гурвица. – М.: Этерна,
2014. – 784 с.

ISBN 978-5-480-00327-7

Книга канадской писательницы и историка Элизабет Эбботт «История куртизанок» посвящена женщинам, связавшим свою жизнь с женатыми мужчинами – от самой первой известной из письменных источников любовницы – Агари, египетской рабыни, о которой в Библии сказано, что она была близка с Авраамом, наложниц в Китае и гейш в Японии до современных куртизанок на протяжении всей известной истории таких отношений.

**УДК 930
ББК 63.3**

Все права защищены.

*Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена
в какой-либо форме – графической, электронной или бумажной –
без письменного согласия владельца авторских прав*

ISBN 978-5-480-00327-7 (Россия)
ISBN 978 0 7156 3946 7

© 2003, 2010 by Elizabeth Abbott
© М. М. Гурвиц, перевод, 2014
© ООО «Издательство «Этерна»,
издание на русском языке, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Встречи с любовницами / 11

ГЛАВА 1

Любовь вне брака в Древнем мире / 25

Агарь / 28 Аспазия / 32
Коринна / 40 Долороза / 55

ГЛАВА 2

Восточные наложницы и гаремы / 67

НАЛОЖНИЦЫ В КИТАЕ / 70

Юйфан / 75 Мэй-Йин / 77

НАЛОЖНИЦЫ В ЯПОНИИ / 85

Дама Нидзё / 88

ГЕЙШИ / 92

НАЛОЖНИЦЫ ГАРЕМА / 99

Роксолана / 99 Цыси / 108

ГЛАВА 3

Европейские королевские фаворитки / 129

Нелл Гвин / 133 Жанна-Антуанетта де Помпадур / 140
Жанна дю Барри / 150 Лола Монтез / 157 Катарина Шратт / 163

Алиса Кеппел / **169** Елена Лупеску / **174**

Камилла Паркер-Боулз / **185**

ГЛАВА 4

Супружеские отношения

в аристократических кругах / 205

Леди Бесс Фостер и Джорджиана, герцогиня Девонширская / **207**

Леди Каролина Лэм / **219** Клер Клермонт / **230**

Графиня Тереза Гвиччиоли / **237**

ГЛАВА 5

Тайные спутницы священнослужителей,

(не) давших обет безбрачия / 253

«ДОМОПРАВИТЕЛЬНИЦА» СВЯЩЕННИКА / **260**

ФАВОРИТКИ РИМСКИХ ПАП / **271**

Феодора и Марозия Теофилакт / **271**

Ваноцца д'Ариньяно и Джулия Фарнезе / **275**

ЛЮБОВНИЦЫ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В НАШЕ ВРЕМЯ / **282**

Анни Мерфи / **286** Луиза Юшевиц / **294**

Памела Шуп / **298**

ГЛАВА 6

Завоеватели и их любовницы / 307

ИСПАНСКИЕ КОНКИСТАДОРЫ И ТУЗЕМНЫЕ ЖЕНЩИНЫ / **310**

Малинче / **310**

«СЕЛЬСКИЕ ЖЕНЫ» В КОЛОНИАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ / **320**

Салли Фидлер, Бетси Синклер и Маргарет Тэйлор / **326**

СОЖИТЕЛЬНИЦЫ В ПОКОРЕННОЙ АЗИИ / **331**

Ле Ли Хэйслип и Дао Ти Муй / **331**

ГЛАВА 7

*Межрасовые сексуальные союзы
в рамках «особого института» / 339*

Фибба / **344** Джулия Чинн / **351** Салли Хемингс / **354**
Джулия Фрэнсис Люис Диксон / **360**
Харриет Джейкобс / **371**

ГЛАВА 8

Сексуальные союзы и «еврейский вопрос» / 389

ЖИЗНЬ В КОНЦЛАГЕРЕ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ / **399**
Элеонора Ходис / **405**

ЛЕСНЫЕ ПАРТИЗАНСКИЕ ЛАГЕРЯ / **409**

ЕВА БРАУН: ЛЮБОВНИЦА ВИНОВНИКА ШОА / **413**

ЕВРЕЙКА И НЕМЕЦ, НЕ ЗНАВШИЕ ЛАГЕРЕЙ / **430**
Ханна Арендт / **430**

ГЛАВА 9

Любовницы-музы / 445

Элоиза / **448** Эмили дю Шатле / **455** Жанна Эбютерн / **465**
Джордж Элиот / **472** Лилиан Хеллман / **485** Кэтрин Уолстон / **499**
Джойс Мэйнард / **516**

ГЛАВА 10

Любовницы мужчин, стоящих над законом / 535

СПУТНИЦЫ БАНДИТОВ / **537**
Вирджиния Хилл / **537** Арлин Брикман / **548**
Сэнди Садовски, Джорджия Дуранте и Ширли Райс / **553**

КРЕМЛЕВСКИЕ ЛЮБОВНИЦЫ / **558**

ПОДРУГИ ФИДЕЛЯ КАСТРО / 560
Нати Ревуэльта / **561** Селия Санчес / **577**

ГЛАВА 11

Любовницы как награда за успех / 587

Мэрион Дэвис / **589** Глория Свенсон / **611** Мария Каллас / **623**
Мэрилин Монро / **639** Джудит Кэмпбелл / **656** Вики Морган / **664**

ГЛАВА 12

Падшие женщины: любовницы в литературе / 681

Джейн Эйр / **684** Эстер Прин / **687** Эмма Бовари / **693**
Анна Каренина / **700** Милдред Роджерс / **704** Эллен Оленска / **710**
Лара / **715** Сара Майлз / **721** Меррион Палмер / **725**

ГЛАВА 13

*Трансформация брака и положение любовниц
в 1960-е годы / 731*

Памела Дигби Черчилль Хэйуорд Гарриман / **735** Лилиан Росс / **741**
Симона де Бовуар / **746** Пола / **756** Рейчел / **760** Микаэла / **765**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Встреча любовниц / 773

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ / 782

*Памяти моей тети
Маргарет Эббот Камерон,
первой женщине в Канаде,
участвовавшей в автомобильных гонках*

ВВЕДЕНИЕ

Встречи с любовницами

О любовницах я знала еще тогда, когда была маленькая, потому что мой прадед – Стивен Адельберт Григгс, весьма обеспеченный пивовар из Детройта и политический деятель муниципального масштаба, – имел квартиру, которую моя мама презрительно называла любовным гнездышком. Там, сменяя друг друга, жили женщины легкого поведения. Прабабушке моей, Минни Лэнгли, приходилось с этим мириться, но отнюдь не безвозмездно: когда Стивен дарил своей очередной любовнице бриллиант, такой же драгоценный камень он был обязан купить прабабушке. Вот так «любовное гнездышко» прадедушки стало для прабабушки источником доходов в виде колец, серег, брошей и множества других драгоценностей, которые впоследствии Минни завещала своим потомкам по женской линии.

Мой прадед Стивен шел путем, проторенным задолго до него. Я поняла это, когда выросла и встретила с настоящими любовницами и их партнерами. С первой из них я познакомилась летом, после окончания первого курса университета. Ею оказалась молодая женщина, поделившаяся со мной отчасти восхитительным, но преимущественно пошлым и достаточно жалким опытом запретной любви. Катерина была экстравагантной немкой из Восточной Германии с томным взглядом миндалевидных глаз. Ей удалось сбежать в Западный Берлин за две недели до окончания школы. Поэтому можно сказать, что за обретенную свободу Кати пришлось расплатиться аттестатом зрелости. Она исполняла обязанности воспитательницы, точнее говоря, была в какой-то степени привилегированной няней в той же семье, которая на время летних каникул наняла меня на работу в принадлежащий ей дом отдыха в Истерн Тауншипс (область на юго-востоке Квебека). Несмотря на протесты моих родителей – а может быть, именно в силу этого, –

у нас с ней сложились доверительные, хоть и немного странные отношения. Худое, загорелое, плоскогрудое тело Кати, которое она с гордостью демонстрировала, нарочно опуская до предела бюстгальтер купальника без бретелек; ее крашенные в рыжий цвет длинные распущенные волосы, которые чуть не достигали колен; гортанный голос с сильным акцентом, превращавший меня в Элисабесс или, ради краткости, в Бесс, – все это мои родители считали воплощением вульгарности, а я воспринимала как нечто изысканное и утонченное.

В то первое лето Кати еще не сделалась любовницей. На самом деле ей очень хотелось стать женой, и она собиралась выйти замуж за Чарльза, офицера Канадской королевской конной полиции, приезжавшего к ней в длинном белом «кадиллаке» с откидывающимся верхом. Но после того, как Чарльз внезапно отменил их бракосочетание, жизнь Кати, и без того лишенная стабильности, совсем распалась на куски. Вскоре после этого я вернулась в Монреаль продолжать учебу на втором курсе университета.

Спустя несколько месяцев Кати вновь вторглась в мою жизнь: она позвонила мне и чуть ли не со слезами попросила привезти ей какой-нибудь еды. Деньги у нее есть, пояснила Кати, но она временно не может встать с постели и сходить в магазин. Кати жила на мизерном содержании состоятельного женатого адвоката в обшарпанной съемной комнатенке, неохотно сданной ему для свиданий другим жильцом. Неожиданно она поняла, что забеременела.

Я купила Кати продукты, исполнив ее просьбу. Мой скромный дар, как выяснилось впоследствии, оказался единственным источником питания, поддержавшим ее после того, как ей сделали аборт. Ей пришлось все переносить в одиночестве, поскольку врач, сделавший операцию, осмотрительно порекомендовал Кати никому об этом не сообщать. Я пыталась вывести ее из состояния глубокой депрессии, в котором она пребывала после аборта, но некоторое время спустя жизнь каждой из нас вернулась в привычное русло.

С годами я виделась с Кати все реже и реже. Последний раз мы встретились на горном озере в квебекских Лорентидах. Она сидела на носу быстроходного катера, ее восхитительными длинными волосами играл ветер. Я окликнула ее и помахала рукой.

Стоявший у руля мужчина снизил скорость катера и подвел его к моей небольшой лодке. Кати, как мне показалось, была удивлена, даже напугана нашей встречей, она сразу же приложила палец к губам, как будто хотела дать мне понять, чтобы я не дискредитировала ее в глазах гламурных спутников. Я все поняла, сказала ей пару приветственных слов и улыбнулась на прощание. Больше я ее никогда не видела, но слышала, что она вышла замуж и вскоре развелась. Спустя годы, когда кто-нибудь заговаривал о любовницах, воображение рисовало мне образ Кати.

Я жила на Гаити, когда встретила с Гислен Жёди, любовницей человека, который вернулся на остров после нескольких десятилетий жизни в Соединенных Штатах. В Нью-Йорке Жером Констан сделал себе состояние, занимаясь разными видами рэкета, однако в Порт-о-Пренс он явился в облике уважаемого бизнесмена. Плательной шкаф Констан был набит белыми льняными костюмами, в ларце у него хранилась масса золотых безделушек, но главным его приобретением, которое наполняло его сердце счастьем и гордостью, стала Гислен – его смуглокожая, блондинистая, развязная любовница средних лет. Гислен, конечно, была привлекательна, и в Гаити, бедной и голодающей стране, ее аппетитные формы выглядели соблазнительно и чувственно. Незадолго до нашей встречи она перешла в евангелическое христианство и с тех пор при каждом удобном случае – естественно, за исключением тех ситуаций, когда затрагивалось ее положение любовницы женатого мужчины, – не упускала возможности щегольнуть афоризмами из Священного Писания.

На деле Жером Констан не собирался разводиться с женой, какие бы напасти ни грозила наслать на него любовница. Материальное благополучие Гислен было обеспечено лишь постольку, поскольку длилась его к ней любовь. Прекрасно это понимая, Гислен делала все возможное, чтобы капиталовложения любовника в ее благополучие компенсировали ее уязвимость. Помимо того что он обеспечивал ее одеждой, дарил ювелирные украшения и брал в путешествия в разные страны, Констан построил для Гислен дом; он также оказывал значительную материальную поддержку ее взрослой дочери и предоставлял любовнице возможность тра-

тить немалые суммы денег. Несмотря на сетования по поводу того, что она ему слишком дорого обходится, он обожал Гислен и очень гордился их связью.

Одной из главных причин привлекательности этой дамы была насыщенная история ее сексуальных походов. В начале 1960-х годов Гислен стала первой привилегированной мулаткой, которая вступила в связь с одним из тонтон-макутов, вооруженных головорезов Франсуа Дювалье – Папы Дока, – служивших в гражданской милиции, созданной гаитянским диктатором с целью обезопасить себя от собственной армии и других потенциальных врагов. Гислен не знала, что такое стыд, и никогда не раскаивалась в том, что утешала этих бандитов, преследовавших других мулатов (и всех остальных, кого они подозревали в нелояльности к их пожизненному лидеру). Но, независимо от того, с каким презрением другие относились к Гислен, Констан восхищался ее бравадой, дурной репутацией, красотой и неизменной (хоть отнюдь не бескорыстной) преданностью ему. Даже когда у него возникли проблемы со здоровьем и он утратил мужскую силу, его отношения с Гислен оставались для него настолько важными, что он и не думал их прерывать. «Ее чувства совпадают с моими», – так он объяснял лишившуюся чувственности связь с любовницей.

Я никогда не была близка с Гислен, но даже после возвращения в Северную Америку порой вспоминала ее, задумываясь над тем, как умело она использовала эмоциональное воздействие на любовника ради собственной выгоды. И все же не Гислен и не давняя моя приятельница Кати вдохновили меня на то, чтобы написать о любовницах. При работе над книгой «История целибата» у меня возникла мысль о том, что связи с любовницами, как и обязательное безбрачие католического духовенства, являются тем фактором, сквозь призму которого можно исследовать вопрос о внебрачных связях женщин с мужчинами. И в конце 1990-х годов, еще не завершив работу над «Историей целибата», я начала заниматься исследованиями, связанными с книгой, которая позже вышла из печати под названием «История куртизанок».

Как-то внезапно мне бросилось в глаза, что в книгах, которые я читала, в повседневных новостях – всюду шла речь о любов-

ницах. Я принялась составлять списки и делать выписки, пытаюсь понять природу внебрачных любовных отношений. Списки мои постоянно росли в объеме и множились. К числу наиболее ярких персонажей, попавших в мои записи благодаря прочитанным книгам и газетам, можно отнести Фиделя Кастро и Селию Санчес, его помощницу и любовницу. А также оперную певицу Марию Каллас и греческого судового магната, миллиардера Аристотеля Онассиса. И Вики Морган, любовницу Альфреда Блумингдэйла, одного из богатейших бизнесменов США, послужившую Доминик Данн прототипом главной героини ее романа «Неудобная женщина», который был экранизирован в 1991 г. И конечно, президента Франции Франсуа Миттерана, у гроба которого после его кончины в 1996 г. рядом стояли жена и любовница.

Работа над книгой была уже в самом разгаре, когда три любовницы раскрыли тайну отношений со своими партнерами, пожелав в судебном порядке взыскать с них деньги, на которые предъявили свои права. После смерти американского журналиста Чарльза Куралта в 1997 г. его двадцатидевятилетняя любовница Патрисия Шэннон обратилась в суд, претендуя на часть его наследства, и выиграла дело. В 2000 г. Грейс Луи, бывшая любовница мэра Торонто Мела Ластмана, заявила, что он – отец ее сыновей Кима и Тодда (они были очень похожи на мэра). В 2001 г. юрист Кэрин Стэнфорд выиграла дело об алиментах: суд обязал священника Джесси Джексона, от которого она родила дочь Эшли двумя годами ранее, выплачивать средства на содержание девочки.

Даже президенты и принцы не могут устоять против обуревающих их страстей и заводят любовниц, несмотря на то что связи на стороне могут опозорить их, получив широкую огласку в газетах и других средствах массовой информации. У президента Дуайта Эйзенхауэра была весьма специфическая «подруга» – англичанка по имени Кей Сомерсби. Джон Фитцджеральд Кеннеди имел связи со многими женщинами, включая кинозвезду Мэрилин Монро. Хоть история президента Билла Клинтона и незабываемой сотрудницы Белого дома Моника Левински по значимости сопоставима со скандальной связью английского принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз, последний роман длился гораздо дольше.

Когда я взялась писать эту книгу, принц вызывал всеобщую неприязнь. Лишь несколько лет спустя его репутация стала поне­многу восстанавливаться по мере того, как он сам и его эксперты по связям с общественностью не без некоторого успеха попыта­лись изменить в лучшую сторону отношение к его многолетней любовнице, делая из нее подходящую кандидатуру для вхождения в королевское семейство.

Годы исследований и откровения состоявших в долговремен­ной внебрачной связи мужчин и женщин – представителей как верхов, так и низов общества – притупили мое восприятие суп­ружеской неверности и изменили отношение к этой проблеме. Я стала больше внимания уделять структуре подобных отношений и присущим им общим чертам. Особенно меня интересовало то, как связи с любовницами сказывались на природе брака и отно­шениях между мужчинами и женщинами в разные исторические эпохи в культурах разных народов. После долгих раздумий я ре­шила, что было бы неверно относиться к любовным связям вне брака как к некоему общественному институту. Более плодотвор­ным мне показался такой подход, при котором на конкретных примерах рассматривается опыт любовниц, позволяющий осветить истории отношений между мужчинами и женщинами в обществах разных эпох. Объединяя любовниц по категориям, отражающим особенности разных культур и исторических периодов, я смогла отобразить присущие этим культурам и временам обстоятельства. Мне также удалось сделать выводы о специфике восприятия дан­ными обществами того явления, которое олицетворяли собой лю­бовницы, и о том, как мужчины и женщины вели совместную жизнь в разные времена. Результатом такого подхода к собранному ма­териалу стала книга, которую я назвала «История куртизанок».

С самого начала исследований я много размышляла и уделяла большое внимание тому, как интерпретировать собранный мате­риал. При этом меня постоянно смущал вопрос определений. Трактовки классических словарей оказывались не очень полезными, особенно по мере того, как мне становилось ясно, что в этой книге восточные наложницы занимают такое же место, как и за­падные любовницы. В «Новом кратком оксфордском словаре ан­г-

лийского языка» любовница характеризуется как «женщина, отличная от жены, с которой мужчина состоит в длительных сексуальных отношениях», а наложница – как «женщина, которая сожительствует с мужчиной, но не является его женой». Эти формулировки настолько расплывчаты, что пользы от них немного, а в последнем определении не проводится различия между наложницей и сожительницей и не дается четкого представления о восточных наложницах, которые нередко – хотя, конечно, не всегда – жили под одной крышей со своим любовником-хозяином и его семьей. Другая проблема состоит в том, что в западном обществе слова «любовница» и «сожительница» часто используются как синонимы. В «Истории куртизанок» в качестве рабочего определения женщины, которая добровольно или по принуждению вступает в достаточно долговременные сексуальные отношения с мужчиной, не являющимся ее мужем, я решила использовать термин «любовница». Такое определение применимо и к наложницам, специфические отличия которых описаны ниже в разделах, посвященных соответствующим культурам.

Отношения между любовниками неразрывно связаны с браком, наиболее важным институтом человеческого общества, так что они почти автоматически подразумевают супружескую неверность, виновником которой иногда является муж, а иногда жена. И действительно, брак представляет собой основной показатель, позволяющий определить, кто является любовницей, а кто нет. Хотя многие полагают, что супружеские измены подрывают брак, другие – как ни парадоксально – считают, что они укрепляют отношения между супругами. Французы, например, могут оправдать *cinq à sept** – свидания после окончания рабочего дня, во время которых мужчина встречается со своей любовницей, о чем французский писатель Александр Дюма как-то метко заметил: «Цепи брачных уз настолько тяжелы, что нести их часто под силу лишь двум людям, а иногда и трем».

Связь между браком и внебрачными любовными отношениями, как и соительство, характерное для некоторых восточных стран, чрезвычайно широко распространена в пространстве и времени,

* Время с пяти до семи часов вечера (фр.). – Здесь и далее примечания переводчика.

это свойственно почти каждой крупной культуре. Британский мультимиллиардер сэр Джимми Голдсмит, рядом с которым в последний его день находились супруга, бывшие жены и любовницы, однажды произнес ставшее широко известным замечание о том, что, «как только мужчина женится на любовнице, он автоматически создает новое рабочее место». Неудивительно, что жителям Северной Америки лучше знакомы западные модели внебрачных любовных отношений, чем обычаи восточного мира с присущими им различными более разработанными версиями, в частности наличием узаконенных наложниц и гаремов.

Во всех обществах во все времена предпосылкой создания условий для внебрачных любовных связей и наличия наложниц был обычай заключения договорных браков. При этом родители или другие родственники выбирали детям супругов по экономическим соображениям или с целью упрочения семейных связей – либо, исходя из интересов деловых или политических союзов, они игнорировали романтическую любовь как несущественную, поощряющую прихотям, а порой даже опасную основу супружеских отношений. Предполагалось, что мужья и жены будут жить вместе и действовать как единая экономическая ячейка, рожая и воспитывая детей. Никого не волновало, будут ли они трепетать от прикосновения друг к другу, любить друг друга до беспамятства или стремиться жить так, чтобы сердца их бились в унисон.

Конечно, иногда случалось и так, что после заключения брачного союза по договору между супругами возникали романтические отношения. Но чаще при таком подходе в лучшем случае можно было рассчитывать на взаимную заботу, терпение, смирение, и большинство браков, заключенных на таких условиях, оказывались безнадежно несчастливими. Не все разочарованные супруги искали внебрачных партнеров, с которыми получали то, чего были лишены в браке, но шли на это многие. И почти во всех обществах – кроме тех, где царили самые строгие нравы, – мужчинам с помощью любовниц или наложниц вне брака позволялось удовлетворять порывы романтического или похотливого свойства, которые они не могли ни сдержать, ни направить в иное русло. Что касается женщин, их стремления аналогичного характера никогда не поощрялись,

и если они были уличены в прелюбодеянии, это жестоко каралось. Но многие, тем не менее, шли на такой риск.

Непреодолимость классовых и кастовых преград также приводила к возникновению внебрачных любовных связей мужчин с женщинами, которые при других обстоятельствах могли бы стать их женами. Блаженный Августин, епископ Гиппона, христианский теолог, живший в Северной Африке в IV в., соблюдал традиции своего общества, запрещавшие браки между представителями разных социальных слоев. Поэтому ему пришлось сожительствовать с женщиной, которую он любил, вместо того чтобы взять ее в жены, поскольку она стояла ниже него на общественной лестнице. А когда он решил жениться, мать подыскала ему подходящую девушку из «добропорядочной» семьи.

Наличие кастовых устоев, обусловленных национальными, расовыми или религиозными представлениями, также может низвести женщину до более низкого в социальном плане положения наложницы. Так, например, присущая Древней Греции ксенофобия запрещала ее гражданам сочетаться браком с иноземцами, поэтому Перикл, афинский государственный деятель, так и не смог жениться на Аспазии, его любимой сожительнице, чужестранке из Милета, которая родила ему сына.

Во многих восточных культурах сожительство было скорее интегральной или параллельной, чем побочной по отношению к браку формой связи, причем права и обязанности сожительниц были закреплены законодательно или в силу обычая. Сожительницы часто обитали в доме хозяина под одной крышей с его женой и другими наложницами. В небогатых семьях одна или две сожительницы помогали хозяйке дома в ее повседневных трудах. Они должны были исполнять те же сексуальные обязанности, что и жена хозяина, и, как и она, соблюдать верность и заниматься ведением домашнего хозяйства. Это объясняется просто: в отличие от любовницы в западном обществе, одна из основных обязанностей сожительницы в странах Востока состояла в том, чтобы родить хозяину наследников.

В некоторых странах, в частности в императорском Китае и Турции, мужчины из правящих династий, аристократы и привиле-

гированные представители верхов общества выставляли напоказ богатство и власть, создавая гаремы, где содержались захваченные в плен или купленные наложницы. Нередко перенаселенные, управлявшиеся евнухами гаремы представляли собой кипящие страстями беспокойные сообщества, где постоянно плелись интриги и составлялись заговоры, шла полная конфликтов острая борьба, не говоря уже об отношениях с детьми. Достигшие зрелого возраста наложницы, которые уже лишились благосклонности хозяина гарема, проводили скучные дни в повседневных домашних заботах. Их еще полные надежд молодые соседки, чтобы заполнить тоскливо текущее время, тщательно ухаживали за собой и строили козни вместе с евнухами и против них, а также против жен, родственников, детей и друг друга. Единственной отдушиной в однообразной жизни оказывалась ночь, проведенная наложницей с обладателем гарема. В случае почти невероятной удачи наложница могла зачать ребенка, который со временем имел шанс вырвать мать из затворничества гарема и обеспечить ей жизнь, полную почестей и привилегий, а в редчайших случаях даже вознести к вершинам власти.

Такое положение вещей представляло собой разительный контраст обычаям западных обществ: на Западе почти всегда законы стояли на стороне законного брака, отказывая в правах незаконнорожденным детям любовниц – начиная с рабынь, которые находились на самой нижней ступени общественной иерархии, и заканчивая герцогинями, женщинами голубых кровей. Юридически и в силу традиции отцы не имели обязательств и не несли ответственности перед своими внебрачными детьми. Без всяких угрызений совести они нередко обрекали детей, рожденных от любовниц, на бесчестье и невзгоды, сопутствовавшие незаконнорожденным. По сути дела, именно законы затрудняли признание мужчинами их побочных отпрысков и создавали препятствия для оказания им поддержки.

Тем не менее некоторые отцы выступали против сложившихся общественных традиций, препятствовавших им поддерживать собственных незаконных детей. В частности, английский король Карл II даровал герцогское достоинство такому числу своих внебрачных

сыновей, что пятеро из нынешних двадцати шести герцогов являются их потомками, если, конечно, исходить из того, что их родословная была достаточно благородной, чтобы не обращать внимания на такую мелочь, как закон. Что касается простых людей, они ставили собственные страсти выше общественных ценностей. Так же и рабовладельцы, в случае признания своими детей, рожденных любовницами-рабынями, подвергали себя риску серьезных преследований со стороны собственных сограждан – ярых расистов. Тем не менее в западном мире признание незаконнорожденных детей всегда было исключением из правила.

Современная любовница справедливо рассчитывает на лучшее отношение к ребенку, которого она может произвести на свет от своего партнера. Как и ее предшественницы, она выступает инициатором отношений между мужчиной и женщиной, и ее статус отражает тенденцию развития этих связей. Улучшившееся положение женщин, либерализация семейного законодательства и личных отношений, растущее значение результатов анализов ДНК – все это в немалой степени повышает вероятность признания любовником ребенка любовницы или, по крайней мере, позволяет ему вносить свой вклад в его содержание. В то же время появление доступных и надежных противозачаточных средств и легализация абортоспособствовали значительному сокращению числа детей, которых хотелось бы иметь любовницам.

По тем же причинам там, где все еще царят законы прошлого, отношения между мужчинами и женщинами продолжают им подчиняться, а положение любовниц и сожительниц и сегодня ничем не отличается от положения их предшественниц. Одним из таких институтов, где все еще правит традиция, является римско-католическая церковь, непоколебимо отстаивающая глубоко укоренившееся недоверие к женщинам. Особенно отчетливо это проявляется в отказе от их посвящения в духовный сан и в упорном нежелании отменить целибат, что остается непреодолимым препятствием для вступления в брак священнослужителей. Женщины, в настоящее время состоящие в интимной связи со священниками, идут тем же путем, что и в прошлые века: их выдают за домоправительниц и вынуждают скрывать любовь за кухонными фарту-

ками и половыми тряпками. Церковь продолжает рассматривать таких женщин как искусительниц и сосуды греха, причем ее больше всего заботит сохранение подобных отношений в тайне и сокрытие их от внешнего мира.

Во многих других отношениях характер внебрачных связей сегодня существенно изменился за счет развития феминизма, расширения прав женщин и доступности противозачаточных средств. По мере того как моральные нормы, касающиеся добрых половых контактов, смягчились и совместная жизнь без регистрации брака постепенно превращается в общепринятую норму, различие между любовницей и подругой утрачивает определенность. Сегодня во многих случаях ответ на вопрос о статусе отношений следует искать в восприятии самих партнеров и, в определенной степени, в отношении к нему общества. Нынешние любовницы, как представляется, не так сильно стремятся выйти замуж или зависеть от любовника в финансовом плане, как их предшественницы. В наше время они обычно влюбляются в женатых мужчин, которые не хотят разводиться, чтобы узаконить отношения с ними. Поэтому единственным выходом в этом случае является примирение с существующим положением вещей, формально являющимся незаконным. Но часто современные любовницы не хотят с этим смиряться, они надеются на то, что в один прекрасный день все каким-то образом изменится и их связь с любовниками обретет законную силу через брак.

Нередко бывает и так, что значение имеют сами по себе любовные отношения: романтическое влечение, пробуждение страсти и ее бурное удовлетворение. Даже тогда, когда восхитительное ощущение любовного приключения и неизбежность вызова общественному мнению сопровождается чувством вины, сохраняется обоюдная верность любовников в том, что касается сокрытия разделенной тайны и лежащего в ее основе взаимного доверия. Запретная составляющая таких отношений влияет и на ситуацию в целом, которая отчасти определяется ограниченностью возможностей и рассудительностью незамужней любовницы. С одной стороны, встречи с любимым требуют, чтобы она располагала значительным свободным временем, особенно в нерабочие дни,

а с другой – ее не тяготят повседневные домашние хлопоты жены, и потому ей легче проявлять все свое обаяние – как во внешнем облике, так и в поведении. Вместе с тем такие связи могут казаться или на самом деле быть равноправными, при этом оба партнера привносят в них то, что могут, и берут от них то, что хотят.

Какое множество разных историй могли бы поведать нам многие любовницы и сожительницы! Из огромного объема накопившегося материала для каждой категории я придирчиво отбирала женщин, жизнь которых полнее всего отражает отдельные вопросы и нюансы внебрачных любовных отношений. Дело это оказалось весьма нелегким, мне приходилось отказываться от многих персонажей, с сожалением вычеркивая из списка их имена – сначала робко, а потом все более решительно. Постепенно целый стеллаж заполнился отвергнутыми мной подчас захватывающими материалами. Как я досадовала, что из-за требований к объему книги мне пришлось расстаться с такими интригующими фигурами, как леди Эмма Гамильтон, Диана де Пуатье, Жорж Санд, Коко Шанель! Они пали жертвами объема книги не столько потому, что их истории выглядели бы в ней неуместными, сколько в силу моих предвзятых предпочтений в плане раскрытия темы, которой посвящено данное исследование.

Но какую замечательную группу составили те, кто остался! История каждой из любовниц уникальна, и в то же время она отражает жизненные пути большого числа других женщин. Они жили в разные эпохи, в разных частях света, в разных условиях, принадлежали к разным классам, кастам и расам. В их числе были аристократки и рабыни, жены, матери и старые девы, они жили в хижинах и гаремах, в квартирах и особняках. Некоторые из них получили широкую известность за счет их связей, о других мы знаем лишь благодаря воспоминаниям их любовников или других людей, а также из официальных документов. Но всех их объединяет то, что они были либо любовницами, либо сожительницами. Эта книга повествует об их судьбах и непростых жизненных путях. История каждой из них важна для понимания сути проблемы, потому что в уникальном опыте каждой героини отражается одна из граней многоликого феномена внебрачных любовных связей.

ГЛАВА 1

Любовь вне брака в Древнем мире^{1*}

Агарь
Аспазия
Коринна
Долороза

* Примечания автора, отмеченные арабскими цифрами, см. в конце каждой главы.

Со времени возникновения институт брака был связан с разными формами сожителства – системами, которые позволяли и до определенной степени определяли параллельные интимные отношения между мужчинами и женщинами, не являвшимися их женами. Библия, составляющая одну из основ западной культуры и литературы, знакомит нас с множеством наложниц. У царя Соломона их было триста вдобавок к семи сотням жен, другие библейские цари и патриархи также наслаждались престижным обществом многих сотен наложниц. Наложницы использовались в сексуальных целях, а также для того, что японцы называют «заимствованная утроба». Если жена мужчины была бесплодна, а ему хотелось иметь наследников, от него могла зачать ребенка наложница, и потом мужчина признавал и растил его как собственного отпрыска. Наложницы имели статус второстепенных жен, но были лишены прав законной жены и гарантий, обусловленных ее положением. Часто наложницы были рабынями. Закон гласил, что рабыня женщины, предназначенной в наложницы ее мужу, все равно продолжала оставаться собственностью своей хозяйки.

С течением столетий изменившиеся обстоятельства и нравы привели к переменам в статусе наложниц. К концу эпохи Античности римское законодательство обеспечило наложницам защиту некоторых их прав, в частности гарантировало детям сожительниц небольшую часть наследства отцов, причем их доля увеличивалась, если отцы умирали, не оставив завещания, или если они не имели законных наследников. В начале IV в. император-христианин Константин I, скончавшийся в 337 г., попытался изменить юридическую основу отношений сожителства, предоставив мужчинам право жениться на наложницах и тем самым позволив признавать детей

любовниц. Но искоренить сожителство не мог никакой закон, поскольку греко-римская культура в целом допускала мужскую неверность в браке. Блаженный Августин, больше десяти лет сожителствовавший с любимой женщиной, которая родила ему сына, пояснял, что мужчины оправдывают сожителство, поскольку в противном случае им пришлось бы соблазнять чужих жен или прибегать к услугам проституток. Подразумеваемое в данном случае представление о том, что мужчинам имманентно присуща неспособность к моногамии, вело к выводу о сожителстве как важнейшем дополнении к браку.

Агарь

Первой наложницей, имя которой донесли до нас письменные источники, вполне можно считать Агарь – египетскую рабыню, которая, возможно, принадлежала к черной расе. Агарь была рабыней праматери Сары, жены праотца Авраама (около 2000–1720 гг. до н. э.). Нам ничего не известно ни об обстоятельствах жизни Агари, ни о том, как и когда она стала собственностью Сары. Ее библейский биограф, несомненно считавший Агарь второстепенной фигурой, наверняка поразился бы тому, какое внимание ее образ продолжает привлекать спустя тысячелетия. Представив ее как часть ситуации, в которой развивалась трагедия бесплодия Сары, он посвятил Агари всего семь небольших библейских стихов.

Жизнь Сары и Авраама была богата приключениями. В частности, во время полного опасностей пребывания в Египте «прекрасная видом» Сара, сама того не желая, привлекла к себе внимание фараона, и тот пожелал взять ее к себе в гарем. Авраам, дабы не лишиться жизни, представил ее своей сестрой. После этого фараон одарил Авраама мелким и крупным скотом, ослами, лошадьми, верблюдами, рабами и рабынями – по всей вероятности, чернокожими.

Когда фараон понял, что Авраам и Сара его обманули, он приказал Аврааму взять жену и покинуть Египет, но милостиво позволил им забрать весь подаренный скот и рабов.

Авраам стал богатым человеком, и все у него было, кроме наследника, потому что Сара не могла производить потомство. Ждать изменения такого положения вещей было бессмысленно, поскольку в ту пору Саре уже исполнилось семьдесят шесть лет (так, по крайней мере, утверждает автор Книги Бытия). Неудивительно поэтому, что Авраам впал в отчаяние, понимая, что остался бездетным, – но он продолжал молить Господа о ниспослании ему наследника. Сара винила лишь себя за собственное бесплодие – в Древнем мире оно считалось проклятием, составлявшим вполне убедительную причину для развода. Но в обществе, где она жила, проблема бесплодия решалась просто: для этого требовалась лишь способная к деторождению наложница.

Именно в такой ситуации мы впервые встречаемся с Агарью. «Вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать, – сказала Сара супругу, – войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее»*.

Авраам согласился, а мнение Агари на этот счет никого не интересовало. Вскоре, несмотря на то что Аврааму в то время было уже восемьдесят шесть лет, Агарь от него забеременела. Осознав это, наложница преобразилась. К удивлению Сары, ее покорная и приветливая рабыня стала самоуверенной, даже высокомерной женщиной, «с презрением» глядевшей на Сару сверху вниз. А почему бы и нет? Хоть Агарь и была рабыней, она могла выносить и подарить супругу хозяйки законного наследника.

Сара пришла в замешательство, она была сильно раздосадована поведением Агари и с горечью жаловалась на это Аврааму. Но тот напомнил жене, что она является законной хозяйкой Агари и потому может подвергнуть свою рабыню какой угодно каре. Мы не знаем, как поступила Сара, – одно из практиковавшихся тогда наказаний за надменность и высокомерие состояло в том, что провинившемуся запихивали в рот кварту соли, – но она настолько жестко притесняла Агарь, что та решила убежать из дома.

К счастью, когда Агарь блуждала по пустыне, ее нашел Ангел Господень и сказал ей: «Агарь, служанка Сарина! Откуда ты при-

* Здесь и далее цитируется синодальный канонический перевод Библии.

шла, и куда идешь?» Агарь рассказала ему о том, в каком сложном положении оказалась. «Возвратись к госпоже своей и покорись ей», – приказал Ангел Господень. Потом смягчился и пообещал: «Умножая умножу потомство твое, так что нельзя будет и счесть его от множества». И еще сказал: «Вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя: Измаил [что значит “Господь слышит”]; ибо услышал Господь страдание твое».

После этой встречи Агарь вернулась и родила Аврааму сына, которого, как и было предначертано, назвали Измаилом. Вполне возможно, что она рожала его, тужась на корточках между ног Сары, с помощью повитухи, в обычной позе «родов на коленях»: так производили на свет ребенка, который должен был стать наследником своей «законной», а не родной матери.

Агарь продолжала жить в доме Авраама и Сары еще более тринадцати лет, вскармливая Измаила и заботясь о нем. Потом произошло чудо. Господь заключил с Авраамом непростое соглашение, в силу которого Сара должна была обрести способность родить ребенка. Сначала Сара рассмеялась, услышав о противоречащем здравому смыслу предсказании. Она ведь состарилась. Разве было возможно, чтобы она снова стала близка с мужем да еще и родила ребенка? Но Господь укорил ее за смех и произнес: «Есть ли что трудное для Господа?»

Оказалось, что ничего трудного для Господа нет – Сара зачала и родила Аврааму сына, которому отец дал имя Исаак. К тому времени ей уже исполнилось девяносто лет, Авраам же достиг столетнего рубежа. «Кто сказал бы Аврааму: “Сара будет кормить детей грудью?”, ибо в старости его я родила сына», – радовалась Сара.

Исаак вырос крепким ребенком, и Сара отняла его от груди. Но как-то раз, когда она наблюдала за тем, как ее малыш играет со старшим сводным братом Измаилом, в ней вскипела сильная обида и возмущение. Будучи первородным сыном Авраама, Измаил должен был получить часть наследства отца. «Выгони эту рабыню и сына ее, – сказала Сара Аврааму, – ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком».

Авраам сильно опечалился, но только из-за Измаила, Агарь его беспокоила мало. Он обратился с молитвой к Господу, и тот

ниспослал ему указание слушаться Сару во всем, что она ему скажет, потому что и от Исаака, и от Измаила произойдут два великих народа. На следующий день Авраам встал рано утром и позвал к себе Агарь. Весьма состоятельный человек, он дал ей лишь хлеба и мех воды, велел взять Измаила, их сына, уже входившего в возраст, и вместе с ним отправляться куда глаза глядят.

В полном недоумении, Агарь с Измаилом побрели в пустыню. Через некоторое время они съели весь хлеб и выпили всю воду: их скудные припасы закончились. В отчаянии Агарь оставила под одним кустом Измаила, отошла от него на расстояние выстрела из лука и опустила на землю. «Не хочу видеть смерти отрока», – рыдала она.

Но Господь, наблюдавший за ней, вновь послал к Агари Ангела Своего. Бог не даст Измаилу погибнуть, сказал ей Ангел Господень, потому что из потомков его Он произведет великий народ. Агарь удивленно раскрыла глаза и увидела, что Господь создал колодезь. Она наполнила мех водой и напоила измученного жаждой сына.

Долгие годы Агарь с Измаилом жили в пустыне. Они знали других людей, которые расселились в округе, Агари удалось скопить достаточно средств, чтобы женить Измаила на девушке из земли Египетской. Хоть евреи обратили ее в рабство, Агарь помнила о своем египетском наследии и стремилась вновь им воспользоваться.

Так завершается история Агари, но, видимо, не ее жизнь. Библейские стихи, относящиеся к Измаилу, свидетельствуют о том, что Господь выполнил обет, данный Агари, так как у Измаила родилось двенадцать сыновей, сделавшихся родоначальниками племен измаильян. Сам Измаил дожил до 137 лет – как и отец, он оказался долгожителем. (Авраам умер в 175 лет, и Измаил с Исааком погребли его в пещере Махпеле.)

Агарь провела в рабстве непродолжительное время, но ее нелегкая судьба и поныне находит отклик в людских сердцах и отражение в произведениях литературы. Спустя тысячелетия после ее кончины, благодаря нескольким фразам, составившим ее краткое жизнеописание, Агарь стала символом всех обездоленных и

гонимых на земле, образом женщины, подвергавшейся сексуальной эксплуатации и жестоко притеснявшейся, лишенной прав, изгнанной в никуда без всякой поддержки. Но, в отличие от других женщин, которым довелось претерпеть такие же ужасные несчастья, Агарь спас от нищеты и гибели сам Господь.

Аспазия²

В середине V в. до н. э. город-государство Афины достиг наивысшего политического и культурного расцвета; утвердившаяся там демократия отражала лучшие достижения Древней Греции. Но золотой век Афин не сказался на афинских женщинах, большую часть жизни проводивших за стенами своих домов. Иноземным женщинам приходилось тяжело вдвойне: над ними тяготело проклятье не только их пола, но и социального положения. Одна из них – Аспазия, иммигрантка из Милета, города на юго-западном побережье Малой Азии – попыталась преодолеть ущербность своего статуса, вступив в близкие отношения с Периклом, крупнейшим из афинских государственных деятелей.

Аспазия прибыла в Афины после окончания ослабивших город греко-персидских войн и заключения пятилетнего перемирия 451 г. до н. э., завершившего враждебные действия между греческими государствами. Она приехала вместе с родственниками, которым пришлось покинуть Милет вследствие неизвестных нам обстоятельств. Несмотря на присутствие членов ее семьи, аристократическое происхождение и обширные связи, она не располагала достаточными средствами, и ей пришлось искать работу.

Приезд Аспазии в Афины, к несчастью для нее, совпал с наплывом беженцев, что вынудило Перикла принять драконовы меры для обеспечения социального превосходства афинских граждан. Он дал право афинского гражданина лишь тем афинянам, оба родителя которых являлись гражданами города, и значительно урезал права *метеков* – таких поселившихся в Афинах иноземцев, как Аспазия и члены ее семьи. Любой человек, пытавшийся выдать себя за гражданина Афин, мог быть обращен в рабство. Из-за

принятого Периклом законодательства Аспазия лишилась возможности выйти замуж за афинянина или получить весьма ограниченные права, предоставлявшиеся афинским женщинам.

Таких прав было немного. В отличие от их братьев, афинские женщины не являлись потенциальными воинами, поэтому новорожденных девочек нередко оставляли на склонах холмов, где их пожирали дикие звери. К образованию тех, кому позволяли выжить, относились с безразличием, их держали дома и учили только навыкам ведения домашнего хозяйства. Когда девочки вступали в период полового созревания – обычно где-то в четырнадцать лет, – родители выдавали их замуж за мужчин значительно старше них, которые уже завершили военную службу и, наконец, могли жениться.

Замужество не делало жен греков свободными – после вступления в брак они оказывались привязанными к своим новым местам проживания. Дома в Афинах, как и в остальных полисах Греции, отражали главенствующий статус мужчин. Они были небольшими, потому что их хозяева проводили много времени вне дома с другими мужчинами. Большинство помещений выходило во внутренний двор. Самым большим и красивым помещением в греческом доме был *андрон* – место для пиров, – потому что там развлекались мужчины. Жены, дочери хозяина и другие женщины, жившие в его доме, к пирушкам не допускались. Мужчины же часто приглашали *гетер* – куртизанок высокого класса, а если были стеснены в средствах, то их ублажали проститутки.

Женщины в древних Афинах имели совсем немного прав, а для развода им непременно требовалось согласие мужей. Единственной гарантией их финансового положения служило приданое. В обществе, где восхвалялись скромные, покорные и трудолюбивые матери семейств, большинство женщин могли рассчитывать лишь на доброе имя.

На что же могла тогда претендовать молодая иноземка в Афинах, городе brutальных мужчин? Аспазия не только обладала красотой – она была необычайно умна, и, в отличие от большинства афинских женщин, ей каким-то образом удалось получить образование, хотя она никогда об этом не распространялась. Аспазия стала преподавать риторику и философию, и вскоре репутация

ее достигла таких высот, что сам Сократ считал себя ее учеником, по крайней мере, об этом сообщает нам Платон в «Менексене»³.

Вполне возможно, что сначала Аспазия зарабатывала на жизнь, присоединившись к скрытому от посторонних взоров миру гетер – свободных женщин, обменивавших сексуальные услуги, общение и дружбу на дорогие подарки и деньги. В отличие от проституток (и большинства жен), гетеры были хорошо образованными и культурными, элегантными и утонченными женщинами. Остроумие, широкий кругозор, легкость в общении отличали их от других греческих женщин, с приятелями-мужчинами они говорили и спорили как равные в интеллектуальном отношении партнеры. Рисунки на вазах изображают их стройными, с небольшой грудью, в изящных одеяниях. Их было очень просто отличить от располневших, лишенных украшений греческих матрон.

Аспазии было около двадцати пяти лет, когда она встретила с Периклом, которому внушила страстную любовь, продолжавшуюся до самой его смерти. Но принятые самим Периклом законы обрекли ее всю жизнь оставаться его любовницей, лишенной надежды на то, чтобы стать его женой. Перикл не мог без нее жить и потому поселил Аспазию в своем доме. Когда она родила ему сына, незаконнорожденность и статус метека маленького Перикла отца особенно не беспокоили, потому что он уже имел двух сыновей, рожденных в законном браке.

Перикл был далеко не единственным, кто восхищался неотразимой привлекательностью интеллекта Аспазии и ее эротической ауры. Когда она организовала нечто вроде интеллектуального салона, дом ее стали посещать выдающиеся афинские мыслители, ученые и государственные деятели, которые там обсуждали вопросы политики и философии, общались, упрочивая общественные и политические связи.

Аспазия не ограничивала круг своих интересов лишь государственными делами. Она также отвергала суровые доводы Сократа относительно проблемы супружеских отношений, обсуждение которой, несомненно, навело ее на мысли о собственном положении. Позже Цицерон и Квинтилиан писали о разговоре Аспазии с женой Ксенофона, проходившем в присутствии самого философа.

— Скажи мне, – спросила Аспазия, – если бы золотые украшения твоей соседки были лучше твоих, чи бы ты хотела иметь – свои или ее?

— Ее.

— А если бы ее одежды и другие предметы туалета были дороже твоих, что бы ты предпочла?

— Ее, конечно.

— Ну что ж, а если бы ее муж был лучше твоего, кого бы ты тогда предпочла – своего мужа или ее?⁴

Жена Ксенофона покрылась румянцем. Аспазия нарушила ее неловкое молчание. Чтобы видеть в партнере совершенство, пояснила она, самой необходимо *быть* самым лучшим партнером. И хотя мужчина и женщина выражают преданность друг другу через чувственность, добавила Аспазия, главным фактором привлекательности служит добродетель.

Был ли этот диалог придуман или действительно состоялся, нам не известно, тем не менее благодаря ему можно сделать следующий вывод о взглядах Аспазии на отношения между мужчинами и женщинами: они должны вступать в связь на одних и тех же условиях и в равной степени стремиться к тому, чтобы идти по пути добродетели. Иными словами, любовница Перикла, видимо, выступала за равноправие, что резко противоречило жесткой социальной стратификации и законодательно закрепленному неравенству в древних Афинах, где ей довелось жить.

Перикл проводил много времени дома, чтобы больше быть с Аспазией, но продолжал активно заниматься государственными делами и руководить восстановлением афинских храмов, поврежденных или разрушенных во время греко-персидских войн. В целом афиняне поддерживали политический курс Перикла, чего нельзя сказать о его не вполне личной жизни. Горожане обвиняли своего вождя в том, что он выгнал из дома жену, чтобы вместо нее поселить там Аспазию. Они не желали знать, что с женой он развелся более чем за десять лет до того, как встретился с любовницей. Поговаривали и о том, что ему, как и многим другим мужчинам, было бы лучше держать сожительницу подальше от посторонних глаз, а не выставлять напоказ их отношения, но Пе-

рикл не придавал значения этим пересудам. Недовольство Аспазией среди афинян нарастало, и расплачиваться за это приходилось не Периклу, а ей. О ней злословили на каждом углу и во всех общественных местах. Поэты-сатирики глумливо поливали ее грязью, сравнивая Аспазию с Таргелией – могущественной ионийской куртизанкой и женой четырнадцати (!) мужчин, которая использовала свое огромное влияние для помощи врагу во время греко-персидских войн.

В 440 г. до н. э., когда на имевшем важное стратегическое значение острове Самосе вспыхнуло восстание против Афин, нападки на Аспазию усилились. И хотя в итоге Периклу удалось подавить восстание, его глумливые противники принялись распускать слухи о том, что Аспазия, шлюха их лидера, по личным мотивам, связанным с ее милетским происхождением, убедила его ввязаться в войну с Самосом. В одной из своих сатир комедиограф Кратин высмеивал и Перикла, и Аспазию, которую называл шлюхой с собачьими глазами.

Это прозвище за ней закрепилось, и все больше афинян клеймили Аспазию как развратную женщину, презренную блудницу. Ее репутация гетеры вызывала в воображении встречавшиеся на греческих вазах и чашах грубо-сексуальные сцены, в которых гетеры представляли обнаженными или задирающими юбки, чтобы продемонстрировать свои женские прелести потенциальным клиентам. Гетеры, представленные на подобной керамике, участвовали в групповом сексе, их изображали в разных позах, даже покорно склонившимися вперед и упирающимися руками в пол, готовыми к анальному половому акту. Иногда клиенты били их по обнаженным задкам сандалиями или другими предметами, желая принудить к извращенным половым актам. Уподобление Аспазии этим карикатурным женщинам представляло собой самые мерзкие проявления нападок на нее – глубокого мыслителя, заботливую мать и любимую подругу Перикла.

Подлинная причина такого полного злобы и ненависти отношения к Аспазии заключалась в том, что ее взгляды представляли собой угрозу общественной структуре основанного на рабовладении и господстве мужчин афинского общества, где удел женщин

ограничивался домашними хлопотами, а женщины из числа метеков были обречены на еще более печальную судьбу. Аспазии – женщине и чужеземке – пришлось смириться с узаконенным бесправием, обусловленным этими двумя ее «недостатками». Но ей удалось избежать predetermined судьбы и каким-то образом так воздействовать на пожилого правителя, что тот не обращал внимания ни на ее пол, ни на социальный статус. Естественно, что Аспазия представляла собой угрозу установленному порядку, она оказалась бунтарем в облике искусительницы.

На протяжении десяти лет после событий на Самосе домашняя жизнь Аспазии текла гармонично, ничто не препятствовало развитию ее интеллектуальных способностей, но в общественном плане ее положение продолжало оставаться кошмарным. В 431 г. до н. э., когда началась Пелопоннесская война, оскорбления в адрес Аспазии и словесные нападки на нее зазвучали с новой силой. Поэт-комедиограф Гермипп выступил против нее с новыми придирками, обвиняя Аспазию в отсутствии почтения к богам и в том, что она сводит свободных женщин Афин с Периклом. Ему удалось вызвать такой взрыв народного негодования, что против Аспазии были выдвинуты обвинения в безнравственности и измене. Несмотря на заступничество Перикла, воля народа одержала верх.

Будучи иностранкой, Аспазия не могла предстать в суде, чтобы защищаться. Эту задачу взял на себя Перикл. Выступая там, он плакал, голос правителя дрожал от переполнявших его чувств, он говорил так красноречиво и убедительно, что суд согласился с его доводами о том, что Аспазию оклеветали, и оправдал ее по всем выдвинутым против нее обвинениям.

Победа над злостными клеветниками еще теснее связала Аспазию и Перикла. Вскоре ее публично признали его подругой. Но влюбленной паре не было суждено вместе дожить до глубокой старости. Военная стратегия Перикла, суть которой сводилась к защите жителей и армии афинской империи в стенах самого города, привела к чрезмерной перенаселенности Афин и тяжелым болезням среди осажденных. В 430 г. до н. э. во время свирепой эпидемии чумы погиб каждый третий воин и каждый четвертый житель города.

Перикл потерял двух своих законных сыновей, сестру, многих других родственников и друзей. Большинство остальных афинян тоже утратили многих близких, а тем, кто остался в живых, не терпелось кого-нибудь обвинить в постигшем их неутешном горе. Выбор Перикла в качестве козла отпущения был очевиден: его отстранили от власти, судили и обвинили во взяточничестве.

Перикл был опозорен и обещен, у него не осталось законных наследников. Но, как говорится, нет худа без добра: в определенном смысле это оказалось на руку Аспазии, поскольку статус ее сына, Перикла Младшего, внезапно изменился в лучшую сторону. Перикл, который отчаянно нуждался в наследнике, обратился к официальным лицам Афин с просьбой о том, чтобы положение Перикла Младшего, не имевшего законных прав в силу его собственного ксенофобского законодательства, было признано законным. На этот раз афиняне, наконец, сжалились над уже немолодым, потрепанным жизнью человеком и даровали гражданство – но лишь Периклу Младшему. Статус Аспазии не изменился, тем не менее успех сына не мог не доставить ей большого удовлетворения.

Перикл с Аспазией получили непродолжительную передышку: их уже не преследовали, правитель был реабилитирован и восстановлен в должности стратега. Но эпидемия чумы в Афинах не унималась, и вскоре он сам пал ее жертвой, оставив любовницу в одиночестве, беззащитной во враждебном городе, где моровая язва продолжала отбирать жизни.

Без Перикла – или, правильнее сказать, после Перикла? – Аспазия сошлась с другим мужчиной, торговавшим овцами, а также служившим военачальником, карьера которого шла на подъем. Поспешность, с которой она нашла себе нового сожителя, заставляет усомниться в искренности ее привязанности к Периклу. Вряд ли к такому шагу ее вынудила нужда – ведь сын Аспазии унаследовал все состояние отца. Может быть, она нуждалась в защите от ненавидевших ее граждан Афин. Не исключено, что ей нравился Лисикл – деятельный, честолюбивый, богатый мужчина, гораздо более близкий к ней по возрасту, чем Перикл. Она могла руководствоваться и другими соображениями. Например, в связи с тем, что афинские законы лишали ее прав как чужеземку, а жители

Афин постоянно ее преследовали, решение Аспазии стать сожительницей другого влиятельного мужчины выглядит вполне резонным, поскольку лишь такой человек мог защитить ее от множества недругов.

Почти наверняка Аспазия познакомилась с Лисиклом через Перикла. Возможно, Лисикл был одним из ее поклонников, восхищавшихся ее умом и красотой. Или его привлекла к ней роль любовницы, которую она исполняла при Перикле. Как бы то ни было, Перикл сам выбирал людей своего окружения и требовал от них относиться к этой женщине с уважением.

Какими бы соображениями Аспазия ни руководствовалась, ее совместная жизнь с Лисиклом оказалась непродолжительной. Вскоре после того, как она родила ему сына, Лисикл погиб в бою, и ей вновь пришлось самой заботиться не только о себе, но и о незаконнорожденном малютке-сыне.

Однако афиняне никак не хотели оставить ее в покое. Когда Аспазии уже исполнилось сорок пять лет, Аристофан развязал против нее новую кампанию ожесточенных нападок. В комедии «Ахарняне» он обвинил ее – ни много ни мало – в том, что именно она стала причиной Пелопоннесской войны. Один из героев комедии, земледelec Дикеополь, подробно перечисляет события, которые привели к войне. Если верить его рассказу, несколько пьяных молодых повес прокрались в Мегару и похитили там Симефу-девку. Разгневанные мегарцы отплатили им той же монетой, похитив двух девок у Аспазии, которую называли сводней. Разгневанная похищением двух своих девок Аспазия вынудила Перикла начать Пелопоннесскую войну.

Мы не знаем, что случилось с Аспазией после смерти Лисикла, хотя и по сей день ее судьба продолжает вызывать оживленные споры среди специалистов. Очевидно, что Аспазия была достаточно умна, чтобы правильно оценить свое положение в зрелом возрасте, как она смогла это сделать в юности. Бесправная иностранка в обществе, которое ненавидело ее и боялось, она не молодела и не обладала надежной защитой. У нее, правда, еще оставались некоторые преимущества – природная, хоть и увядающая, красота, репутация женщины с искрометным остроумием,

в полной мере обладавшей здравым смыслом, – и сын, законный наследник Перикла. А еще она прослыла потаскухой, что, несомненно, импонировало некоторым мужчинам.

Вполне возможно, что Аспазия вновь пыталась найти покровителя, как она сделала вскоре после смерти Перикла. Представляется менее вероятным, что роль защитника взял на себя ее старший сын Перикл. Если бы это случилось, какие-то сведения, скорее всего, сохранились бы в литературе, которая язвительно или иначе откликнулась бы на отношения матери и сына. Но настроенные против Аспазии сатирики хранили молчание, на основании чего вполне можно сделать вывод о том, что она связала свою жизнь с ничем не выдающимся мужчиной, который не удостоился внимания современников, покинула Афины или окончила жизненный путь в безвестности.

Если судить по дошедшим до нас сведениям о том, что она преподавала, а также о ее убеждениях, получается, что Аспазия ратовала за торжество справедливости и добродетели, за достижение равновесия в неустойчивом мире. Но она навсегда была обречена оставаться чужестранкой и женщиной в Афинах, где царили жесткие законы и нравы, а потому ей приходилось полагаться на отношения с Периклом, чтобы обеспечить себе некоторое влияние и материальный достаток.

Коринна⁵

Одной из самых загадочных и поразительных любовниц была женщина, которую воспел и обессмертил великий поэт Овидий в произведении «Любовные элегии» под вымышленным именем Коринна. Бурные отношения Коринны и Овидия развивались в Риме, упадок которого привел к принятию имперского законодательства о реформе нравов, но жаждавшие наслаждений граждане в большинстве случаев смотрели на него сквозь пальцы.

За два десятилетия до возникновения христианства Рим Овидия и Коринны был одновременно восхитителен и ужасен. В городе соседствовали прекрасные особняки и перенаселенные

трущобы, протяженные акведуки и общественные бани производили неизгладимое впечатление. Город мог похвастаться замечательными театрами со сложным сценическим оборудованием и огромными цирками, где зрители восторженно вопили или негодуяюще свистели, когда на арене специально обученные львы задирали пытавшихся от них спастись преступников (позже так нередко казнили христиан), а лучники убивали обезумевших от страха диких слонов и пантер. Римские рынки поражали воображение разнообразием свежих со всех концов империи товаров – экзотическими продуктами, шелковыми и шерстяными тканями, винами и перебродившими соусами для рыбы.

Гений градостроения и самовластия Цезарь Август взирал на свою империю с высоты холма Палатин, но картины, встававшие перед его мысленным взором, нагоняли на него безысходную тоску. Незадолго до конца правления, в 14 г. н. э., он украсил свой любимый, но уже клонившийся к упадку Рим мраморными зданиями, построив театр Марцелла, Большой цирк и восемьдесят храмов – столь же долговечных, как и его *Pax Romana*, или «Августов мир». Он также пытался изменить порочные нравы сограждан изданием законов Юлия (Августа), регулировавших брачные и сексуальные отношения, а также вопросы наследования.

Десятилетия анархии, восстаний и военных кампаний сильно поколебали моральные устои римского общества. Тосковавшего по старым порядкам Августа особенно беспокоило то обстоятельство, что римские женщины стали совсем не такими, какими были раньше добродетельные матери семейств, неприятельные и верные супругам труженицы. Почему с ними произошли такие перемены? Призывы мужчин в армию и участие в войнах привели к изменениям и в жизни женщин.

Когда мужей забирали в солдаты, оставшиеся дома жены в основном сами вели хозяйство, женщины из богатых семейств управляли своими большими имениями. Им приходилось общаться с внешним миром более активно, чем раньше, и – неизбежно – некоторые из них обзаводились любовниками.

Когда наступал мир, к прежним нравам римляне уже не возвращались. Они откладывали заключение браков, но не прерывали

сексуальные отношения. Занимавшие высокое положение мужчины заводили любовниц, а когда находились подходящие невесты, они просто прекращали встречи с подругами. Многие женщины, способные вступить в брак, но незамужние, оставались без всяких надежд на то, что им когда-нибудь доведется выйти замуж за подходящего мужчину. В такой ситуации неопределенности некоторые женщины практиковали разные эротические и даже запретные наслаждения.

Коллективное желание римлян потакать своим страстям в ту эпоху переходило все границы. Граждане были одержимы развлечением, толпами валили на пирушки и праздники, охотно посещали театры, спортивные состязания, цирки. Богатые римляне объедались, и их тут же выворачивало наизнанку на глазах у других собравшихся, причем такое поведение общество считало вполне допустимым. Уважаемые женщины, по вечерам возвращавшиеся домой, нередко становились свидетельницами пьяного разгула мужей, предававшихся разврату с куртизанками или проститутками. Даже сам добродетельный Август, создавший себе идола для поклонения из собственной жены Ливии Друзиллы, имел вполне заслуженную репутацию развратника.

При Августе в Риме сосуществовали два стандарта – юридический и фактический. Как и Греция, Рим представлял собой рабовладельческую демократию, в условиях которой вся власть и права принадлежали только свободным мужчинам – и больше никому. Положение свободных женщин и вольноотпущенниц было значительно лучше положения рабов, но ни одна женщина, из какой бы богатой и могущественной семьи она ни происходила, не обладала даже малой частью тех прав, которые получал ее брат, став взрослым, и которыми в полной мере обладал ее отец.

Юридически вся власть в семье принадлежала отцам семейств – *pater familias*. При таком порядке женщина оказывалась в положении полного подчинения. Юридическая власть отца семьи – *patria potestas* – отражала лишь его собственные интересы, игнорируя при этом интересы его жены и детей – даже тогда, когда те вырастали. Все начиналось с того, что новорожденного ребенка приносили к отцу и клали у его обуток в сандалии ног, чтобы он

мог исполнить свое право фатального отбора. Если родитель поднимал хныкавшего мальчика с пола или приказывал накормить девочку, новорожденным даровалась жизнь. В противном случае младенцев душили, морили голодом, оставляли на склонах холмов или на берегах рек на растерзание диким зверям. Неудивительно, что такая участь гораздо чаще ожидала девочек, чем мальчиков.

Большинство незащитных родившихся девочек погибало. Некоторых спасали сжалившиеся над ними посторонние люди. Других специально разыскивали, их ждало безрадостное детство, полное домашних трудов, а потом девочек продавали в рабство или – гораздо чаще – делали из них проституток.

Но дети, не обреченные на смерть сразу же после рождения, тоже не могли чувствовать себя в безопасности. Отец в любой момент мог продать их в рабство. Навлечь на себя гнев родителя было смертельно опасно: многие отцы сознательно лишали жизни раздражавших их отпрысков.

Замужество дочери не облегчало ее участь. Выбранный ей в мужа мужчина сменял отца, причем нередко это происходило тогда, когда она была еще ребенком. Если женщину уличали в супружеской измене, муж имел право ее убить. Он мог ее избить – даже до смерти, – если она пила вино. Если мужчина подозревал, что жена его пробовала вино (не в целях дегустации), он целовал ее, чтобы по запаху ее дыхания определить, пила она или нет; эти поцелуи получили название *ius osculi*. Вот в таких условиях оказывались свободные женщины, а положение вольноотпущенниц и рабынь было значительно более приниженным.

Сожительница – *concupina* – в Риме значительно уступала в правах жене. Свободная женщина или вольноотпущенница, она сожительствовала с мужчиной, не являвшимся ее мужем. Предполагалось, что мужчина не должен иметь и жену, и сожительницу – по крайней мере, одновременно. В этом заключался определенный смысл, поскольку сожительница мужчины, как правило, стояла ниже его на социальной лестнице. Поэтому он мог выгнать любовницу, если она рожала ему незаконных детей или если мужчина решал вступить в брак.

Вдовцы также предпочитали жить с любовницами, а не жениться снова. Такое положение не налагало на них никаких обя-

зательств, а если сожительница рожала вдовцу детей, это не представляло никакой угрозы его законным отпрыскам в вопросе наследования. Вдовцам было значительно проще жить с любовницами, потому что ни они, ни их дети не могли предъявлять им никаких претензий, а после их смерти претендовать на наследство.

С другой стороны, сожителство имело и некоторые преимущества. С юридической точки зрения сожительницу нельзя было преследовать за измену, хотя от обвинений в разврате она защищена не была. В отдельных случаях мужчина мог обойти суровые римские законы и юридически усыновить или удочерить ребенка любовницы. Еще реже он мог на ней жениться.

Однако привилегированные римляне поступали так, будто неумолимых законов вообще не существовало. В отличие от Ливии Друзиллы, жены Августа, которая намеренно носила простые и достаточно скромные одеяния, новая женщина Рима не жаловала простоту, да и заботе о детях она уделяла далеко не все свое внимание. На деле уровень рождаемости тогда снижался из-за отравлений свинцом, из которого были сделаны в остальном замечательные городские водопроводы, а также из-за применения примитивных форм противозачаточных средств и абортов.

Представительницы знатных семейств в эпоху Августа начинали день отнюдь не с молитв, за которыми должны были следовать непрестанные хлопоты по дому. В то время привилегированная дама просыпалась с высохшей маской из муки с молоком на лице, которую накладывала перед тем, как лечь в постель. Рабыня приносила воду похожей на привидение госпоже, та ополаскивала лицо, а потом мочла в ванне, дожидаясь, когда придет *unctor* – «натирающий маслом» – с его притираниями. После того как массажист возвращал ее коже эластичность и придавал мышцам тонус, благоухающая ароматическими маслами дама одевалась и делала прическу, закалывая волосы, разглаживая их или завивая в кокетливые локоны. Потом она пудрила лицо, румянила щеки, красила губы, подводила веки и сурьмила брови. Последний штрих составляли ювелирные украшения с драгоценными камнями, привезенные со всех концов огромной империи: серебряные и золотые кольца, браслеты на ногах и на руках, ожерелья и броши.

Для женщин, которых привлекал этот новый, потворствующий людским слабостям стиль жизни, такой тщательный уход за собой составлял прелюдию сексуального приключения. Некоторые из них даже пытались подражать греческим гетерам. Август, который испытал потрясение и возмутился, узнав, что внебрачные интрижки интересуют женщин не меньше, чем его самого, стал решительным противником подобных любовных связей.

В таких условиях Август издал законы Юлия (18–17 гг. н. э.), предусматривавшие наказания за супружескую неверность, которая приравнивалась к уголовному преступлению и жестоко каралась. Но в измене можно было обвинить только замужних женщин, которые наставляли мужьям рога, и мужчин, которые вступали в половые отношения с замужними женщинами, а не мужей, развлекавшихся с незамужними любовницами. Вдовы и свободные незамужние женщины, которые вели сексуально активную жизнь, рисковали подвергнуться обвинению в разврате, менее тяжком преступлении. Эти новые законы были направлены на то, чтобы вынудить женщин – прежде всего представительниц высших слоев общества – выходить замуж или повторно вступать в брак, оставаясь при этом добродетельными, покорными и привязанными к домашнему очагу.

Однако, как нередко случается, когда вводятся чересчур строгие наказания, обвиненные в прелюбодеянии изменницы теряли половину наследства и треть собственности, а изменники половину собственности, и тех, и других ссылали на отдаленные острова, где принудительное исполнение закона практически было невозможно – на законы почти перестали обращать внимание. Август одержал лишь одну блистательную победу: он с успехом провел расследование, направленное против его собственной дочери – Юлии, одной из самых известных в Риме блудниц.

Великий римский поэт Овидий – аристократ, богатый и исключительно талантливый молодой человек, одержимый страстью к женщинам, любовью и сексом, – прекрасно вписывался в этот мир вседозволенности. В шестнадцатилетнем возрасте он вступил в первый из своих трех браков – женился на совсем молоденькой девушке, достоинство которой постоянно пытался принизить. В «Лю-

бовных элегиях», написанных, когда ему было двадцать три года, он представил читателю Коринну – свою своевольную, чувственную и неверную любовницу. Римляне восприняли его сочинение с небывалым энтузиазмом, некоторые из самых горячих поклонников Овидия исписывали его стихами стены общественных зданий. Вполне вероятно, что содержание и огромный успех «Любовных элегий», наряду с другими обстоятельствами, побудили Августа принять пуританское законодательство.

До сих пор среди специалистов не прекращаются споры о том, кем на самом деле являлась женщина, представленная под условным именем Коринна. Больше всего будоражит воображение предположение о том, что любовницей Овидия была Юлия, непокорная и дерзкая дочь самого императора Августа, – однако доводы, подтверждающие эту гипотезу, весьма сомнительны. Но кем бы она ни была, Коринна как живая представлена на страницах бередящего душу произведения Овидия. Достаточно немного воображения, симпатии и проницательности – и мы готовы с ней познакомиться.

Необходимые для этого факты предоставляют нам «Любовные элегии». Коринна была немного старше Овидия, но значительно моложе своего мужа (поэт неприязненно называет его дряхлым старцем), причем изменяла она и тому, и другому. Ей еще не исполнилось и двадцати лет, когда она стала любовницей мужчины, с которым испытала первый оргазм. После этого она всегда злилась и расстраивалась, если во время полового акта партнер не доводил ее до пика чувственного наслаждения.

Коринна была тщеславной и самовлюбленной, но в то же время весьма привлекательной, она обожала пользоваться косметикой. Ее отличали выдержка, порывистость и страстность. Коринне нравилось дразнить Овидия и возбуждать в нем ревность.

Она привыкла жить в роскоши и потому избегала мужчин, у которых не хватало средств на то, чтобы поддерживать ее материально и делать ей дорогие подарки. Под предлогом того, что ей нравится участвовать в скачках, она флиртвала с наездниками. Коринна рисковала сама и стремилась заручиться поддержкой слуг, в частности своей горничной Напе, вовлекая ее в свои

любовные интриги. Она любила молодого любовника-поэта, но он любил ее еще сильнее.

Может быть, на самом деле Овидий был влюблен в любовь, поскольку, уверяя Коринну, что одна она навеки будет его любовью, он прибавляет:

Стань же теперь для меня счастливою темою песен, –
 Знай, что темы своей будут достойны они.
 ...Прославят и нас мои песни по целому миру,
 Соединятся навек имя твое и мое*⁶.

Овидий был прав. Продолжительные отношения с Коринной в изобилии давали ему материал для создания настоящей мыльной оперы, в которой перемешались горе, экстаз, непонимание, интрига, опасность, угрозы, ложь и комичное удивление. «Любовные элегии» блестяще отразили тончайшие оттенки отношений в среде представителей римской элиты.

Давайте посмотрим, как Овидий накануне ужина в гостях, где будут присутствовать они с Коринной и ее муж, наставляет любовницу, как надо вести себя. «Только в последний бы раз он возлежал за столом!»⁷ – желает поэт мужу любовницы и просит ее прийти раньше супруга, для того чтобы она, как только тот «ляжет за стол», с невиннейшим видом легла рядом, но его, Овидия, «трогала тихонько ногой».

Потом Овидий предлагает Коринне обмениваться тайными знаками во время ужина и поясняет, что будет бровями красноречиво с ней говорить и что речь им будут заменять пальцы и чаши с

* Здесь и далее «Любовные элегии» Овидия цитируются по изданию: *Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии.* М.: Художественная литература, 1983. Перевод С. В. Шервинского. Перевод этого же отрывка с английского языка выглядит иначе:

...когда ты себя отдаешь мне, быть может, тогда мне даешь
 Предмет для творенья стихов. Мой дар вознесет этот стих,
 И он обессмертит тебя...
 Конечно, в стихах.
 Тогда нас с тобой, дорогая моя, узнает весь мир,
 И наших известность имен навек уподобят богам.

вином. Если Коринна вспомнит их сладострастные забавы, пусть коснется щеки большим пальцем, а если захочет в чем-то его упрекнуть, пусть слегка притронется к уху.

В словах Овидия часто звучит жгучая ревность: если муж предложит вина, «вели самому ему выпить»; не принимай от мужа угощенья, которое он уже отдал; не позволяй ему обнимать тебя. Не позволяй его пальцам тянуться «к лону, к упругим грудям», говорит любовник, который сам совершал немало «дерзкого»: часто «в торопливой страстности» они с Коринной делали «под полой сладкое дело свое». Но это еще не все.

Главное дело, смотри: ни поцелуй ему!

Если ж начнешь целовать, закричу, что твой я любовник,

Что поцелуи – мои, в ход я пущу кулаки!

Для Овидия непереносима мысль о том, что муж Коринны «по закону» наслаждается близостью с ней. Он требует, чтобы любовница его «без ласковых слов, через силу» отдавалась мужу, если тому ближайшей ночью вздумается уединиться с ней, и чтобы любовь ее была скупой. Если же Коринне придется исполнить супружеский долг, поэт желает, чтобы муж ее не испытал наслаждения, «а уж тем более» она.

Овидий повествует о физической красоте Коринны, не останавливаясь перед описанием интимных деталей. Однажды в жаркий день, разморенный зноем, он прилег на постель в своем доме, и в этот момент к нему вошла Коринна «в распоясанной легкой рубашке», с тонкими, как паутинки, цвета кедровой древесины распущенными волосами, спадающими на белоснежные плечи, – такой же, по преданию, в спальню входила восточная царица или куртизанка высокого полета, знавшая любовь многих мужчин. Овидий срывает легкую ткань с любовницы, и ее тело «в безупречной красе» предстает перед его взором. Он перечисляет многочисленные прелести Коринны: это и изящные плечи и руки, и соблазнительные, жаждущие ласки полные груди, и гладкий живот, и пышный прямой стан, и юные крепкие бедра, и... Тут даже не обремененный условностями Овидий останавливается и просто добавляет, что «все было восторга достойно».

Но когда любовники бранились, насмешки Овидия могли стать жестокими, его острый ум и критический взгляд подмечали в Коринне пороки и недостатки. Она красила роскошные волосы составом, который поэт называет смесью из ядов, и с помощью «огня и железа» завивала их жгутом. От такого обращения они поредели и стали клочьями выпадать, так что, неохотно глядя на себя в зеркало, Коринна начинала горько плакать. Пока же ее волосы снова не приобрели природную прелесть, ей приходилось пользоваться париком из присланных из Германии волос пленных. А поэт еще и выговаривает ей: сама во всем виновата!

Потом Овидий описывал свое отношение к тому, что беременная Коринна втайне решила избавиться от плода, да так, что едва не умерла. Он вправе гневаться, однако его гнев меньше страха за любовницу, которая почти наверняка зачала от него. И поэт молит богов сохранить Коринне жизнь и просит ее больше никогда так не делать.

Овидий сильно досадовал, когда Коринна просила его о подарках. Ведь он своими стихами мог «славу доставить любой» – разве это не самый прекрасный дар, какой хотела бы получить каждая женщина? Но когда Коринна, обожавшая шелковые туники и золотые украшения, хотела получить от него более осязаемые доказательства привязанности, Овидию становилось противно до крайности. Прекрати досаждать мне своими просьбами, говорил он ей в таких случаях ледяным тоном. Я сделаю тебе подарок, но только тогда, когда мне самому этого захочется.

Когда им овладевал «буйный порыв», Овидий, как признается сам, мог оскорбить нежно любимых родителей и даже «удар нанести кумирам богов». Как-то раз он схватил Коринну за волосы и расцарапал ей лицо ногтями, а потом с ужасом увидел, как она в страхе «остолбенела», изумленная тем, как подобное могло случиться, потом затрепетала и разрыдалась. В этот момент, почувствовав себя виноватым, поэт предложил любовнице отомстить, впитаться ногтями ему в лицо, не щадить ни волос его, ни глаз. Коринна не желала это делать, и Овидий попросил ее: «Чтоб знаки стереть злодеяний моих, поскорее, / В прежний порядок, молю, волосы вновь уложи!»⁸

Овидия также занимала организация тайных ночных свиданий. Они с Коринной были прекрасными стратегами, но оставались беспомощными без посредничества Напе, служанки Коринны. Напе была их постоянной связной, передавала им друг от друга записки и нередко организовывала встречи, убеждая колебавшуюся Коринну посетить Овидия.

Несмотря на взаимную страсть, Коринна и Овидий изменяли друг другу с другими любовниками. Как-то в жуткую ночь Коринна не пустила Овидия к себе домой, а сама в спальне предавалась любви, пока он как привидение слонялся у ее жилища. Когда утром утомленный любовник Коринны на нетвердых ногах вышел из дома, он, к стыду поэта, заметил, что Овидий сторожил запертый дом. После ссоры или непродолжительного расставания Коринна приходила к Овидию, садилась к нему на колени, ерошила ему волосы и ласково упрашивала вернуться. Она была так прекрасна, что он всегда уступал. Пожалуйста, просил он ее в своих стихах, хотя бы кажись скромной, «зловредной молве» сама не разглашай свои похождения, не говори громко о том, «что свершалось в тиши». Ты слишком красива, чтобы быть добродетельной, потому что красота и добродетель несовместимы. Сотри следы поцелуев, причешись и застели постель перед тем, как меня принять.

Коринна была любовницей Овидия в течение нескольких лет, но потом прекратила их отношения. Почему? В «Любовных элегиях» есть намек на то, что она ушла от него к какому-то солдату – неотесанному мужлану, который существовал за счет каких-то незаконных махинаций. Может быть, она застала Овидия *in flagrante** с собственной мастерицей по прическам, которую он соблазнил, или чьей-то неудовлетворенной женой? Или, несмотря на хвастливый рассказ поэта о том, что как-то раз Коринна заставила его испытать девять оргазмов за ночь, у Овидия нередко пропадала мужская сила, что вполне могло быть вызвано отравлением свинцом знаменитых римских водопроводов?

* *In flagrante delicto* (лат.) – поймать на месте преступления. Усеченная форма *in flagrante* нередко используется в качестве эвфемизма, когда речь идет о любовниках, застигнутых врасплох во время полового акта.

Он сам не без иронии признавался:

Тщетно, однако, ее я держал, ослабевший, в объятьях,
 Влагою ложа любви грузом постыдным я был.
 Хоть и желал я ее и она отвечала желаньям,
 Не было силы во мне, воля дремала моя.
 ...Все повторяла она, чем возбуждается страсть.
 Я же, как будто меня ледящей натерли цикутой,
 Был полужив-полумертв, мышцы утратили мощь.
 Вот и лежал я, как пень, как статуя, груз бесполезный, –
 Было бы трудно решить, тело я или же тень?*

Каковы бы ни были на то причины, Коринна навсегда исчезла из жизни Овидия, но не из гипотез историков, которые тщетно пытаются выяснить: кем же она все-таки была? что ей довелось пережить в качестве любовницы Овидия? какие чувства она испытывала, читая новое сочинение ее бывшего любовника под названием «Наука любви» – назидательную поэму, предлагавшую конкретные советы в любовных делах?

Представьте себе Коринну, сохранившую остатки былой красоты вдову средних лет, чей хворый старый муж недавно отошел в мир иной. «Наука любви» вызвала небывалый резонанс. Все друзья Коринны только об этом произведении и говорили, а самые близкие из них знали, что оно многим обязано буйным годам, когда Коринну связывали с Овидием любовные отношения. Конечно, ее поразил цинизм бывшего любовника, откровенное бесстыдство его расчетливого, рационального подхода к отношениям

* В переводе с английского языка этот фрагмент выглядит так:

Когда сжимал ее в объятьях, он вялым был,
 как лист вчерашнего салата, –
 Пустой балласт в пустой постели супостата.
 Ее желал я, и она меня еще сильней хотела,
 Но плоть моя мужская не была способна делать свое дело,
 Лишая нас обоих наслажденья.
 ...Какое жалкое виденье!
 Я мертвым грузом там лежал, гнилым бревном,
 Себе казался призраком в несчастьи своем.

с любовницей – а ведь он с такой глубокой убежденностью говорил ей, что будет любить ее вечно! А теперь пал так низко, по сути дела, создал нечто вроде пособия, в первой и второй частях которого наставлял мужчин, где искать любовниц и какими средствами приобретать и сохранять за собой женскую любовь, а в третьей советовал женщинам, как им лучше привлечь к себе мужчин и сохранять их привязанность.

Как же реагировала на это искушенная Коринна? Без негодования и даже без удивления, потому что всегда знала, что поэзия Овидия отражала его жизнь, что он брал на заметку каждый поцелуй, каждое возвышенное движение души, каждое возбуждающее прикосновение, каждый бурный оргазм. Коринна сознательно стала его любовницей, заранее зная правила игры. Как и тогда, когда вышла замуж за человека значительно старше нее, которого, возможно, выбрали ей в мужа родители, она ни во что не ставила такие ценности, как супружеская верность и воспитание детей, присущие римским матерям семейств в былые времена. Вместо этого она предпочла растрчивать долгие часы не обремененных заботами о детях дней в неистовстве праздников и испуганных наслаждениях, в частности на скачках, где наездники выглядели такими же холеными и лоцеными, как их скакуны.

«Наука любви» должна была вызвать у нее ощущение deja-vu, воскресить в памяти годы молодости, то время, когда она была любовницей Овидия. Все решает техника, так начал свое произведение Овидий, и Коринна, должно быть, понимающе кивнула, когда это прочла. Во-первых, где искать себе любовницу? Театры, скачки, цирки, пиры, даже храмы предоставляли для этого прекрасные возможности. (Мы встретились на званом обеде. На мне была пурпурная шелковая туника, а волосы я заплела в косу, которую красиво уложила на голове. Ты сел рядом и все время не сводил с меня глаз.) Помни при этом, что женщины более похотливы, чем мужчины, и не могут противостоять действительно опытному и настойчивому поклоннику. (Как это верно, по крайней мере в том, что касается похоти. Но опыт и настойчивость оправдывают себя лишь отчасти, они, как ты мог понять в отношениях со мной, порой причиняют немало неприятностей.)

Заручись поддержкой ее служанки, подкупи ее, чтоб она помогала вам общаться друг с другом и шпионила за хозяйкой. (Ах, Напе, ты помнишь те времена?) Давай сумасбродные обещания, потрать немного денег. Соблазни ее красноречием, не отказывая себе в удовольствии писать ей длинные письма. (Как всегда, дешевка, правда, дорогой? Иногда тебе приходилось расплачиваться чистым золотом и изумрудами.) Одевайся опрятно, будь подтянутым и чистоплотным. Сделай вид, что выпил лишнего, и признайся ей в вечной любви. (Значит, я оказалась права, называя тебя лжецом! Только не поняла тогда, что на самом деле ты был трезв.) Не жалей для нее лести, умоляй со слезами на глазах. Если она заперет дверь, заберись на крышу и проникни в ее покои через окно в потолке или в стене. Потом – если она сама не сможет решиться – возьми ее силой, потому что женщинам очень нравится грубое обращение, и они могут обидеться, если ты позволишь им отбить твою атаку. (Выходит, в итоге ты так ничего и не понял. Ты презирал солдат, но на меня набросился с такой яростью, что от испуга я даже не смогла тебя прогнать.)

Если не можешь избежать ссор, улаживай разногласия в постели. (Мы с тобой в постели и ссорились, и мирились.) Если тебе нужно, целуй ей ноги. Когда занимаешься с ней любовью, очень важно, чтобы она тоже достигала оргазма или, по крайней мере, мастерски его симулировала. (Значит, тебе совсем не нравится, когда оба любовника не достигают пика наслаждения? Интересно, что бы ты мне сказал сейчас обо всех тех ночах, когда, несмотря на все мои усилия, ты был как лист вчерашнего салата?)

В третьей части нашел яркое отражение неизменно высокомерный и снисходительный взгляд Овидия на женщин. Не пренебрегай своим внешним видом, поскольку немногим из вас присуща естественная красота. (Но ведь я была красавицей – и даже теперь не утратила привлекательности.) Особенно важны волосы. Делай элегантные прически, скрывай седые волоски и пряди, пользуясь краской или париком. (Мне все еще приходится полагаться на парик – мои чудесные кудри и теперь не переносят грубой краски.) Остерегайся запаха из подмышек и выщипывай волосы на ногах. Пользуйся румянами, пудрой, подводкой для бро-

вей. Чисти зубы и следы, чтоб у тебя не пахло изо рта, иначе усмешка может стоить тебе любовника. Занимайся музыкой, стихосложением, танцами и играми. Играй азартно, но с холодной головой. Во время акта любви выбирай возбуждающие позы, шепчи запретные слова, стенай от исступленного наслаждения, только не открывай окна – наготу тела лучше всего оставлять в полутьме. (Но не моего, поэт, мое тело – само совершенство.)

Даже когда они пылали страстью друг к другу, Овидия мало волновало, как Коринна относится к его поэзии. Однако он опасался другого, потенциально опасного критика – самого императора Августа. Во 2 г. н. э., после того как тот осудил собственную дочь Юлию за прелюбодеяние и сослал ее на островок в Тирренском море, а десять лет спустя так же поступил с ее дочерью, Юлией Младшей, Август взялся за Овидия. Он обвинил лучшего римского поэта в поощрении супружеской измены и сослал его в отдаленный портовый городок Томы (на территории современной Румынии). Овидий провел остававшиеся ему десять лет жизни в постоянных просьбах и призывах, обращенных к влиятельным людям с тем, чтобы ему позволили вернуться, но Август был неумолим, и горевавший Овидий скончался в изгнании.

Если бы Коринна была тогда жива, наверное, ее потрясло бы известие о смерти Овидия. Как и большинство людей ее круга, она была не менее виновна в разврате. Однако Овидий привлек к себе внимание, став величайшим летописцем незаконной любви в римском мире, где процветали внебрачные любовные связи. А Коринна лишь предавалась в том мире пороку.

Сделав выбор в пользу наслаждений бездетной любовницы, Коринна восстала против навязанного ей в молодости договорного брака и стала жить так, как ей самой хотелось. Она решила отвергнуть старый Рим ради нового, постоянно искала наслаждений, требовала за свое очарование ценные подношения и пренебрегла материнством. Бравада и неуважение к обычаям прошлого возвышали женское начало Коринны и придавали ему смысл – пусть даже лишь в ее собственных глазах.

Долороза¹⁰

Исторический источник, в котором содержатся сведения о Долорозе – такое имя я придумала сожительнице с печальной судьбой, – описывает ее до крайности скупой, и на протяжении всей своей «Исповеди»¹¹ человек, позже получивший широкую известность под именем Августина Блаженного, ни разу не назвал подлинное имя этой женщины – женщины, которая прожила с ним пятнадцать лет и родила ему его единственного сына, Адеодата.

Отсутствие упоминания ее имени отнюдь не является свидетельством того, что Августин был к ней безразличен. И действительно, в своих произведениях он называет имя Моника, своей любимой матери, лишь один раз, хоть имена его лучших друзей, Алипия и Небридия, встречаются достаточно часто, как и имена других мужчин. Для общества, в котором жил Августин, мужчины имели большее значение, чем женщины, существа во всех смыслах подчиненные и униженные. Тем не менее первую половину жизни Августин провел с Моникой и Долорозой, причем глубина и страстность его привязанности к ним обеим стала важнейшим фактором его становления как христианина, учителя, теолога и проповедника.

О детстве и отрочестве Долорозы нам ничего не известно. Первое документальное подтверждение ее существования относится к 370 г. н. э. – именно тогда она встретила с восемнадцатилетним Августином в Карфагене, где тот обучался красноречию. Он очень ее любил, причем гораздо дольше тех пятнадцати лет, что они прожили вместе. К сожалению, мы можем составить некоторое представление о жизни Долорозы до этой встречи лишь по аналогии с дошедшими до нас сведениями о детстве Августина.

Его отец, Патриций, был язычником, представителем гражданской аристократии в городе Тагасте на севере Африки (территория нынешнего Алжира). Он вел достойную жизнь, но неизменно испытывал недостаток в средствах, а потому вместе со своей женой Моникой постоянно был озабочен оплатой обучения их сына Августина – лучшего ученика городской грамматической

школы, чья склонность к усвоению знаний намного превосходила способности его брата, Навигия, и сестры, которую звали Перпетуа.

В 371 г., проучившись год на окраине империи и потратив еще один на беспокойное ожидание того, соберет ли Патриций достаточно денег для продолжения его обучения, Августин приехал в Карфаген ради завершения образования. Для молодого ученика риторической школы и его приятелей, съехавшихся в великий город со всей Африки, Карфаген представлялся чем-то вроде кипящего котла, в котором космополитизм и разврат были неотделимы от опасности и свободы. Августин связался с так называемым демоническим братством, иначе именуемым «Эверсор» – «разрушитель» или, если дать этому названию более подходящее современное определение, «нарушитель спокойствия». Члены «братства» издевались над приезжими и учителями, подвергая их злым розыгрышам и насмешкам. Молодой человек часто посещал театры, в основном он ходил на трагедии, чтобы со слезами избавиться от собственной печали.

Еще Августина непрестанно одолевала похоть: в семнадцать лет он был «влюблен в любовь», его глодал «тайный голод». Он стремился к любовным приключениям, а позже вспоминал о том, как «очертя голову летел навстречу любви, страстно желая попасть в расставленные ею сети»¹². Августин был ревнив, подозрителен и боязлив, и эти качества нередко вызывали у него взрывы гнева и приводили к ссорам с приятелями. Он уже несколько месяцев так безнравственно и разнузданно проводил время, когда встретил покорную молодую Долорозу.

Именно тогда скончался Патриций, и бремя платы за учебу сына целиком легло на Монику. К тому времени Августин уже получил признание как лучший ученик, занимавшийся риторикой. Как и другие отличники из небогатых семей, он стал задумываться о выборе профессии (в его случае – о прибыльной должности в имперской юридической административной службе), а также о дальнейшем развитии своих способностей и налаживании связей, которые помогли бы ему осуществить это намерение.

Долороза вполне вписывалась в намеченный им план действий. Даже в IV в., когда полным ходом шел процесс христианизации,

ученики риторических школ, как правило, заводили себе сожительниц, которых позже – когда находили подходящую для женитьбы девушку – бросали. Такое положение не смогли изменить ни столетия, ни процесс христианизации. Сожителство представляло собой долговременный союз, причем для женщины он был моногамным. Сожительницами становились либо рабыни, либо женщины, стоявшие на более низкой ступени социальной лестницы, чем их любовники, не собиравшиеся на них жениться, и такой сословный подход поддерживали отцы христианской церкви. Как учили эти святые мужи, изгнание сожительницы (и ее детей) составляло шаг к моральному совершенствованию.

Тем не менее на сожительниц нередко смотрели как на «матерей семейств», и хоть у них не было прав в рамках тех отношений, в которых они состояли, их ни в коем случае не уподобляли отбросам общества. Долороза была настолько набожной и порядочной, что недавно овдовевшая Моника без колебаний решила на переезд к ним с Августином.

Позже Августин так писал о времени, прожитом с Долорозой: «В те годы у меня была женщина. Она не являлась моей партнершей в так называемом законном браке. Я сошелся с ней, когда меня обуревали страсти, а благоразумия не хватало»¹³. Долороза поняла и приняла такое положение вещей и потом до конца жизни хранила преданность Августину.

Нельзя не отметить, что далеко не все складывалось у них безоблачно. Их духовный мир был богат и насыщен, но вместе с тем между ними имели место серьезные религиозные расхождения. Как и Моника, Долороза неукоснительно следовала христианскому учению, поэтому принятие Августином манихейства – религиозно-философского учения, позже объявленного ересью, – должно было их серьезно беспокоить. Не меньшую важность представляла собой и другая проблема, а именно убеждение Августина в том, что он греховно похотлив и что каждый раз, уступая зову крови, он поддавался одолевающему его сексуальному искушению, в котором видел предательство собственной моральной чистоты.

После каждого полового акта его мучили угрызения совести из-за неумейной похотливости – «заразы плоти», которой он был

одержим. Его страдальческие стоны и причитания огорчали и пугали Долорозу, верившую в то, что моногамные половые отношения ниспосланы человеку Господом для наслаждения. Августин же считал, что сожителство – это соглашение, заключенное мужчиной и женщиной ради удовлетворения похоти, а потому в сожителстве не следует иметь детей. Долороза с ним не соглашалась, по крайней мере в начале, и, скорее всего, отказывалась пользоваться противозачаточными средствами. В результате, когда Августину было девятнадцать лет, Долороза родила сына, которого назвали Адеодат, то есть «посланный Богом». Это имя пользовалось популярностью среди карфагенских христиан. Адеодат оказался незапланированным и нежеланным (как позже писал Августин) ребенком, но, как только мальчик появился на свет, он стал в семье общим любимцем.

На протяжении последующих тринадцати лет Августин, Долороза и Адеодат счастливо жили вместе. В отличие от Патриция, который изменял жене и даже не делал тайны из своих внебрачных любовных походов, Августин хранил подруге верность, что было большим достоинством в эпоху широко распространенных мужских измен. По его словам, он встретился с Долорозой в тот период жизни, когда в нем бурлили чувства и когда его одолевало неумемное половое влечение, и, тем не менее, «она была единственной», и он «хранил ей верность».

Как и Моника, Долороза, скорее всего, не получила образования, но обладала природным умом, который помогал ей постоянно отстаивать свою позицию в противостоянии с высоким интеллектом Августина и его друзьями-мужчинами, дружбой с которыми он дорожил больше, чем отношениями с ней; позволял адекватно воспринимать его сетования на то, что ее сладострастие не дает ему возможности сосредоточиться на занятиях философией; примирял с его манихейством и смятением, охватывавшим его, когда он рассуждал о своем будущем; и, конечно, давал возможность совладать с проблемами, связанными с воспитанием маленького Адеодата и переездом к ним Моника.

Однако в целом положение Долорозы нельзя было назвать плохим. Августин вполне преуспевал на поприще преподавания

риторики, что давало ему неплохой заработок и обеспечивало им с подругой достаток, хотя он жаловался ей на трудности в работе со своенравными карфагенскими учениками. Августин никогда не изменял Долорозе с другими женщинами, он души не чаял в Адеодате, одаренном и послушном ребенке. Переехавшая к ним Моника была настроена весьма дружелюбно, их с Долорозой объединяли общие религиозные убеждения и беспокойство по поводу заблуждений Августина. К тому же Моника обожала своего замечательного внука.

Тем не менее жизнь Долорозы с Августином и его матерью имела свои теневые стороны. Проповедники манихейства учили, что бездетное сожителство менее греховно, чем внебрачная связь, приводящая к рождению детей, и потому после рождения Адеодата Августин стал настаивать, чтобы Долороза применяла противозачаточные средства. Несмотря на любовь к сыну, его мучило чувство вины за то, что ребенок был зачат в грехе, и Августин постоянно открыто об этом говорил. Он ни разу не упомянул о Долорозе как о матери Адеодата, называя ее лишь своей сожительницей. Кроме того, с друзьями и матерью – причем зачастую, видимо, в присутствии Долорозы – он обсуждал возможность своего брака, но не с Долорозой, а того, который надо будет заключить ради продвижения по общественной лестнице.

Любовь Моника была всепоглощающей – как вспоминал Августин, его отличавшаяся строгим благочестием мать следовала за сыном и по суше, и по морю, желая жить с ним рядом, – и присутствие ее становилось навязчивым. Понимая ее и принимая такой как есть, он стремился к независимости или, по крайней мере, хотя бы к небольшой передышке, которая позволила бы ему отдохнуть от подавлявшего его присутствия Моника. В 383 г., прожив с Долорозой уже более десяти лет, Августин перешел к решительным действиям. Однажды ночью он с Долорозой и Адеодатом тайно отправился через море в Рим. Для Долорозы, его сообщницы, такой совместный побег мог быть чреват последствиями, причем весьма неприятными.

Рим не оправдал их ожиданий. Августин обзавелся многочисленными почитателями, но вскоре выяснил, что римские ученики

тоже далеко не ангелы: они брали, что считали нужным, у одного преподавателя, а потом дружно переходили к другому.

Разочарованному Августину, который к тому же испытывал финансовые трудности, пришлось обратиться к его римским знакомым из числа манихеев с тем, чтобы они помогли ему получить должность публичного оратора в Милане, куда он раньше наведывался и где слушал Амвросия Медиоланского (которого стали почитать как святого вскоре после его смерти). Они познакомились, однако великий проповедник скептически отнесся к молодому ритору с резавшим слух африканским выговором. Тем не менее громадный авторитет и популярность Амвросия убедили Августина в том, что его собственное будущее связано с Миланом. Вскоре он отошел от манихейства и стал сторонником христианского неоплатонизма. Спустя некоторое время из Карфагена приехала Моника и обосновалась в новом доме Августина и Долорозы. Нет никаких сомнений в том, что Долороза, как и Моника, была очень рада обретению Августином новых религиозных убеждений, составлявших основу их веры, но следующий этап становления его собственных взглядов не мог ее не расстроить.

Сначала беспрестанно обсуждался вопрос о том, как женитьба на какой-нибудь богатой наследнице может помочь одаренному, но небогатому Августину сделать блистательную карьеру. Августин постоянно колебался: с одной стороны, он прислушивался к доводам своего лучшего друга Алипия, который говорил, что брак не даст возможности воплотить в жизнь их проект создания монастырской общины, члены которой стремились бы к постижению мудрости; с другой – сам он свято верил в то, что брак может стать для него самым лучшим способом достижения профессионального успеха. Моника убеждала сына в том, что брак подготовит его к принятию крещения, которое смоет с него все грехи, и стала активно заниматься поисками достойной Августина невесты.

Возражала ли Долороза против этих планов или, скрепя сердце, соглашалась с Моникой? Позже Августин писал о ней как о женщине, подчинившей свою волю его решениям и принимавшей их без возражений. Но при этом она не могла не страдать: они пятнадцать лет прожили вместе, воспитывая сына, и потому

Долороза не могла не печалиться, не могла не горевать со слезами на глазах (даже если пыталась скрыть это от других), что жизнь ее оказалась разбитой.

Тем временем Моника с Августином настойчиво и целенаправленно занимались поисками соответствовавшей его планам невесты. Вскоре они нашли подходящую кандидатуру – юную девушку, которая «достаточно понравилась» Августину, чтобы он попросил ее руки. Родители одиннадцатилетней девочки согласились, и состоялась помолвка, хотя из-за детского возраста невесты нужно было ждать свадьбы еще около двух лет. Однако продолжавшееся пребывание Долорозы в доме Августина, в его постели и в сердце его могло сильно расстроить будущих тестя с тещей, если бы те об этом узнали. Поэтому Долороза вдруг превратилась в пресловутую ложку дегтя в бочке меда, и от сожительницы потребовалось избавиться. Августин дал ей это понять, хотя возможно, это сделала Моника.

Долороза приняла печальную новость со смирением и покорностью, сцен она устраивать не стала. Ради будущего материального и духовного благополучия Августина она согласилась добровольно покинуть их общий дом, в котором отныне стала лишней. Что она чувствовала, кроме мучительного горя, навсегда прощаясь с любимым Августином и своим единственным ребенком (в отличие от большинства других мужчин, расстававшихся с сожительницами, Августин решил оставить своего незаконнорожденного сына у себя)? Какие слова утешения произносила Долороза, когда говорила с Адеодатом, укладывая вещи перед разлукой?

Долороза отправилась в родную Африку одна, дав обет никогда больше не связывать жизнь с другим мужчиной. Ее отъезд разбил Августину сердце, превратив его в кровоточащую рану (по его собственным словам), и хоть неумная похоть заставила его завести другую сожительницу в ожидании любовных утех с подрастающей будущей супругой, он никогда не оправился от удара, вызванного утратой Долорозы. Потом случилось так, что с ним говорил Бог, воспретивший Августину заниматься любовью с сожительницей и заставивший его еще раз подумать о матримониальных планах. Реакция Августина последовала незамедлительно: он дал обет безбрачия.

Мы можем предположить, что последствия разрушенной любви оказались для Августина такими же трагичными, как и для Долорозы, ведь он так и не смог оправиться от этого удара. Он расторг помолвку с юной невестой и целиком посвятил себя служению церкви, став выдающимся духовным деятелем. Но до конца дней Августин продолжал оплакивать свою утерянную возлюбленную. Их отношения вполне могли продолжаться на протяжении всей жизни, если бы Августин не испытывал отвращения к своей неумейной похоти, усугубленного его личными амбициями, которые вынудили его отречься от сожительницы, принадлежавшей к более низкому сословию.

Поскольку Августин ничего не сообщает о кончине Долорозы, можно предположить, что ее одинокая жизнь продолжалась. Впрочем, он писал лишь о собственных муках, собственных переживаниях, собственных страданиях. Августин не оставил упоминаний о том, пытался ли он что-то узнать о первой, любимой сожительнице, посылал ли ей деньги, известил ли ее о смерти шестнадцатилетнего Адеодата. А Долорозе должно было быть известно, что в 389 г. Августин вернулся в Африку, два года спустя был рукоположен в священники, а с 396 г. стал епископом Гиппона. Наверное, она чувствовала глубокое удовлетворение от того, что он, как и она, неуклонно придерживался основ христианского учения, а также потому, что Августин столь высоко поднялся по ступеням церковной иерархии.

Спустя века обращение в христианство Августина все еще ставят в заслугу Амвросию, а не той женщине, которая на протяжении пятнадцати лет убеждала его сделать этот шаг. Следовало бы воздать должное огромному вкладу любимой подруги Августина в его духовное становление, а она осталась в истории незамеченной и безымянной. Нам известно лишь то, что она была сожительницей Августина.

Примечания автора

¹ Самым важным источником этого раздела является Книга Бытия, главы 16–25. Я пользовалась *The New Oxford Annotated Bible* (New York: Oxford

University Press, 1989), а также следующими статьями, которые поясняют, уточняют и развивают соображения относительно соответствующего раздела Книги Бытия: John Otwell, *And Sarah Laughed: The Status of Women in the Old Testament* (Philadelphia: Westminster Press, 1977); Savina J. Teubal, *Hagar the Egyptian: The Lost Tradition of the Matriarchs* (San Francisco/New York/Grand Rapids: Harper & Row, 1990); Phyllis Trible, *Texts of Terror* (Philadelphia, USA: Fortress Press, 1984); John W. Waters, «Who Was Hagar?» в *Stony the Road We Trod: African American Biblical Interpretation*. В Книге Бытия, 16:1–16, 21:8–21 излагается драматическая история Агари в нескольких стихах, остающихся в высшей степени спорными, поскольку ученые продолжают дискуссии относительно их истинного значения. Они включают новое прочтение библейских текстов, действовавших тогда юридических документов и законов, а также скрупулезный анализ, сравнение и деконструкцию текстов. Я читала, размышляла и – не без доли волнения – пришла к собственному пониманию этого неясного образа, смутная тень которого будоражит умы уже много веков. (В статье Phyllis Ocean Berman «Creative Hidarsh: Why Hagar Left», *Tikkun* 12, [март – апрель 1997], 21–25, сказано, что автор и студенты, с которыми она училась в еврейской школе, слушали «историю соперничества между Сарой и Агарью не единожды, а два раза в год во время циклов чтения Торы». Нет ничего удивительного в том, что образ Агари и поныне продолжает завораживать и привлекать такое пристальное и порой гнетущее внимание.)

- ² Основными источниками этого раздела являются: <http://langmuir.physics.uoguelph.ca/-aelius/hetairai.html>; Shannon Bell, *Reading, Writing & Rewriting the Prostitute Body* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994); Eva Cantarella, пер. Maureen B. Fant, *Pandora's Daughters: The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987); James N. Davidson, *Courtesans and Fishcakes: The Consuming Passions of Classical Athens* (London: HarperCollins, 1997); Nancy Demand, *Birth, Death and Motherhood in Classical Greece* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994); Robert Flaceliere, *Love in Ancient Greece* (London: Frederick Muller Ltd., 1960); Rojer Just, *Women in Athenian Law and Life* (London, New York: Routledge, 1989); Eva C. Keuls, *The Reign of the Phallus: Sexual Politics in Ancient Greece* (New York: Harper & Row, 1985); Jill Kleinman, «The Representation of Prostitutes Versus Respectable Women in Ancient Greek Vases». Дополнительные материалы можно найти в Интернете по адресу: <http://www.perseus.tufts.edu/classes/JKp.html> (1998, 6 августа); а также в Hans Licht, *Sexual Life in Ancient Greece* (London:

- George Rutledge & Sons, Ltd., 1932); Sarah B. Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives, and Slaves: Women in Classical Antiquity* (New York: Schocken Books, 1975).
- ³ Bell, 32–38, трактует смысл содержащихся в «Менексе» упоминаний об Аспазии как о преподавателе, составлявшем многочисленные политические речи, которые произносили публично ее ученики, включая Перикла.
- ⁴ Madeleine Mary Henry, *Prisoner of History: Aspasia of Miletus and Her Bibliographical Tradition* (New York: Oxford University Press, 1995), 44, цитаты из Цицерона и Квинтилиана, где отражен этот эпизод.
- ⁵ Основными источниками этого раздела являются: Richard A. Bauman, *Women and Politics in Ancient Rome* (New York: Routledge, 1992); Eva Cantarella, пер. Maureen B. Fant, *Pandora's Daughters: The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987); Jane F. Gardner, *Women in Roman Law and Society* (Bloomington: Indiana University Press, 1986); Ellen Greene, *The Erotics of Domination: Male Desire and the Mistress in Latin Love Poetry* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998); Mary R. Lefkowitz and Maureen B. Fant, *Women's Life in Greece and Rome: A Source Book in Translation* (2-е издание) (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992); Sara Mack, *Ovid* (New Haven: Yale University Press, 1988; Ovid, *The Erotic Poems*, пер. и ред. Peter Green (New York: Penguin Books, 1982); Sarah B. Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives, and Slaves: Women in Classical Antiquity* (New York: Schocken Books, 1976); Ronald Syme, *History in Ovid* (Oxford: Clarendon Press, 1978); John C. Thibault, *The Mystery of Ovid's Exile* (Berkeley: University of California Press, 1964); L. P. Wilkinson, *Ovid Recalled* (Cambridge: Cambridge University Press, 1955).
- ⁶ Овидий, пер. и ред. Peter Green, «Любовные элегии. Книга первая», в *The Erotic Poems*, 89.
- ⁷ Там же, 89.
- ⁸ Там же, 97.
- ⁹ Овидий, «Любовные элегии», III, 7, в *Latin Lyric and Elegiac Poetry: An Anthology of New Translations*, ред. Diane J. Rayor и William W. Batshaw (New York: Garland Publishing, 1995).
- ¹⁰ Основными источниками этого раздела являются: Antti Arjava, *Women and Law in Late Antiquity* (Oxford: Clarendon Press, 1996); St. Augustine, *Confessions* (London: Penguin Books, 1961); Gerald Bonner, *St. Augustine of Hippo: Life and Controversies* (London: SCM Press Ltd., 1963); William Mallard, *Language and Love: Introducing Augustine's Religious Thought Through the Confessions Story* (University Park: Pennsylvania: Pennsylvania

Научно-популярное издание

ЭББОТТ ЭЛИЗАБЕТ

ИСТОРИЯ КУРТИЗАНОК

Перевод с французского *М. М. Гурвица*

Редактор *А. Ю. Серов*

Художественное оформление: *А. Б. Архутик*

Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.12.2013 г.

Формат 60х90/16. Гарнитура «GalsLight».

Печ. л. 49,0. Тираж 3000 экз.

Заказ №

Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс (495) 755-81-23

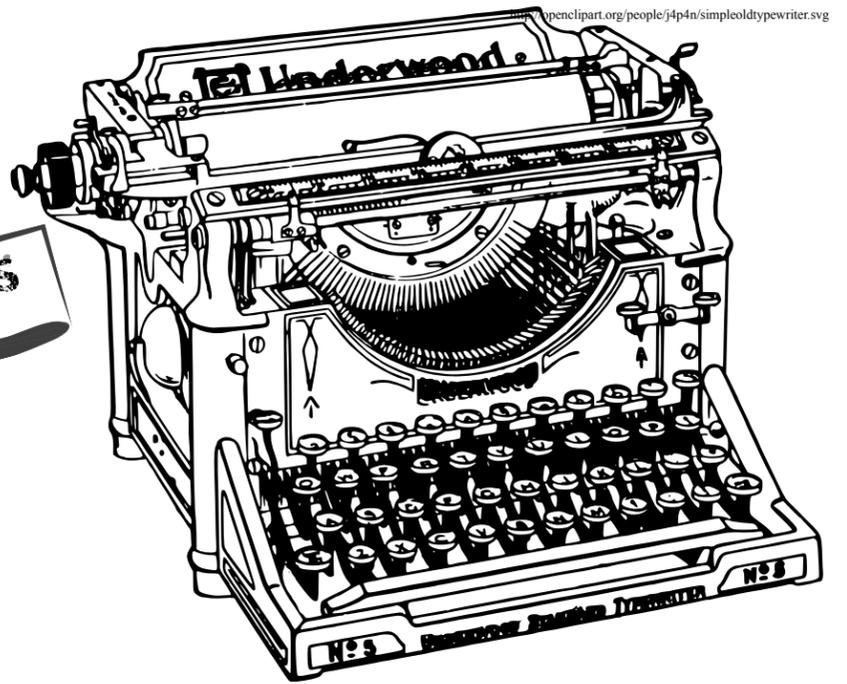
E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЧКА

Элизабет Эббот
перевод М.М. Гурвица.

*nos partenaires
our partners*

«ИСТОРИЯ КУРТИЗАНОК»

О любовницах я знала еще тогда, когда была маленькая, потому что мой прадед — Стивен Адельберт Григгс, весьма обеспеченный пивовар из Детройта и политический деятель муниципального масштаба — имел квартиру, которую моя мама презрительно называла любовным гнездышком. Там, сменяя друг друга, жили женщины легкого поведения. Прабабушке моей, Минни Лэнгли, приходилось с этим мириться, но отнюдь не безвозмездно: когда Стивен дарил своей очередной любовнице бриллиант, такой же драгоценный камень он был обязан купить прабабушке. Вот так «любовное гнездышко» прадедушки стало для прабабушки источником доходов в виде колец, серег, брошей и множества других драгоценностей, которые впоследствии Минни завещала своим потомкам по женской линии.

Мой прадед Стивен шел путем, проторенным задолго до него. Я поняла это, когда выросла и встретила настоящих любовниц и их партнеров. С первой из них я познакомилась летом после окончания первого курса университета. Ею оказалась молодая женщина, поделившаяся со мной отчасти восхитительным, но преимущественно пошлым и достаточно жалким опытом запретной любви. Катерина была экстравагантной немкой из Восточной Германии с томным взглядом миндалевидных глаз. Ей удалось сбежать в Западный Берлин за две недели до окончания школы. Поэтому можно сказать, что за обретенную свободу Кати пришлось расплатиться аттестатом зрелости. Она исполняла обязанности воспитательницы, точнее говоря, была в какой-то степени привилегированной няней в той же семье, которая на время летних каникул наняла меня на работу в принадлежащий ей дом отдыха в Истерн Тауншипс (область на юго-востоке Квебека). Несмотря на протесты моих родителей — а может быть, именно в силу этого, — у нас с ней сложились доверительные, хоть и немного странные отношения. Худое, загорелое, плоскогрудое тело Кати, которое она с гордостью демонстрировала, нарочно опуская до предела бюстгальтер купальника без бретелек; ее крашенные в рыжий цвет длинные распущенные волосы, которые чуть не достигали колен; гортанный голос с сильным акцентом, превращавший меня в Элисабесс или, ради краткости, в Бесс — все это мои родители считали воплощением вульгарности, а я воспринимала как нечто изысканное и утонченное.

В то первое лето Кати еще не сделалась любовницей. На самом деле ей очень хотелось стать женой, и она собиралась выйти замуж за Чарльза, офицера Канадской королевской конной полиции, приезжавшего к ней в длинном белом «кадиллаке» с откидывающимся верхом. Но после того, как Чарльз внезапно отменил их бракосочетание, жизнь Кати, и без того лишенная стабильности, совсем распалась на куски. Вскоре после этого я вернулась в Монреаль продолжать учебу на втором курсе университета.

Спустя несколько месяцев Кати вновь вторглась в мою жизнь: она позвонила мне и чуть ли не со слезами попросила привезти ей какой-нибудь еды. Деньги у нее есть, пояснила Кати, но она временно не может встать с постели и сходить в магазин. Кати жила на мизерном содержании состоятельного женатого адвоката в обшарпанной съемной комнатенке, неохотно сданной ему для свиданий другим жильцом. Неожиданно она поняла, что забеременела.

Я купила Кати продукты, исполнив ее просьбу. Мой скромный дар, как выяснилось впоследствии, оказался единственным источником питания, поддерживавшим ее после того, как ей сделали аборт. Ей пришлось все перенести в одиночестве, поскольку врач, сделавший ей операцию, осмотрительно порекомендовал Кати никому об этом не сообщать. Я пыталась вывести ее из состояния глубокой депрессии, в котором она пребывала после аборта, но некоторое время спустя жизнь каждой из нас вернулась в привычное русло.

С годами я виделась с Кати все реже и реже. Последний раз мы встретились на горном озере в квебекских Лорентидах. Она сидела на носу быстроходного катера, ее восхитительными длинными волосами играл ветер. Я окликнула ее и помахала рукой. Стоящий у руля мужчина снизил скорость катера и подвел его к моей небольшой лодке. Кати, как мне показалось, была удивлена, даже напугана нашей встречей, она сразу же приложила палец к губам, как будто хотела дать мне понять, чтобы я не дискредитировала ее в глазах гламурных спутников. Я все поняла, сказала ей пару приветственных слов и улыбнулась на прощание. Больше я ее никогда не видела, но слышала, что она вышла замуж и вскоре развелась. Спустя годы, когда кто-нибудь заговаривал о любовницах, воображение рисовало мне образ Кати.

Я жила на Гаити, когда встретила Гислен Жёди, любовницей человека, который вернулся на остров после нескольких десятилетий жизни в Соединенных Штатах. В Нью-Йорке Жером Констан сделал себе состояние, занимаясь разными видами рэкета, однако в Порт-о-Пренс он явился в облике уважаемого бизнесмена. Платяной шкаф Констан был набит белыми льняными костюмами, в ларце у него хранилась масса золотых безделушек, но главным его приобретением, которое наполняло его сердце счастьем и гордостью, стала Гислен — его смуглокожая, блондинистая, развязная любовница средних лет. Гислен, конечно,

была привлекательна, и в Гаити, бедной и голодающей стране, ее аппетитные формы выглядели соблазнительно и чувственно. Незадолго до нашей встречи она перешла в евангелическое христианство и с тех пор при каждом удобном случае — естественно, за исключением тех ситуаций, когда затрагивалось ее положение любовницы женатого мужчины, — не упускала возможности щегольнуть афоризмами из Священного Писания.

На деле Жером Констан не собирался разводиться с женой, какие бы напасти ни грозила насладиться на него любовница. Материальное благополучие Гислен было обеспечено лишь постольку, поскольку длилась его к ней любовь. Прекрасно это понимая, Гислен делала все возможное, чтобы капиталовложения любовника в ее благополучие компенсировали ее уязвимость. Помимо того, что он обеспечивал ее одеждой, дарил ювелирные украшения и брал в путешествия в разные страны, Констан построил для Гислен дом; он также оказывал значительную материальную поддержку ее взрослой дочери и предоставлял любовнице возможность тратить немалые суммы денег. Несмотря на сетования по поводу того, что она ему слишком дорого обходится, он обожал Гислен и очень гордился их связью.

Одной из главных причин привлекательности этой дамы была насыщенная история ее сексуальных походов. В начале 1960-х годов Гислен стала первой привилегированной мулаткой, которая вступила в связь с одним из тонтон-макутов, вооруженных головорезов Франсуа Дювалье — Папы Дока, — служивших в гражданской милиции, созданной гаитянским диктатором с целью обезопасить себя от собственной армии и других потенциальных врагов. Гислен не знала, что такое стыд, и никогда не раскаивалась в том, что утешала этих бандитов, преследовавших других мулатов (и всех остальных, кого они подозревали в нелояльности к их пожизненному лидеру). Но, независимо от того, с каким презрением другие относились к Гислен, Констан восхищался ее бравадой, дурной репутацией, красотой и неизменной (хоть отнюдь не бескорыстной) преданностью ему. Даже когда у него возникли проблемы со здоровьем, и он утратил мужскую силу, его отношения с Гислен оставались для него настолько важными, что он и не думал их прерывать. «Ее чувства совпадают с моими», — так он объяснял лишнюю чувственность связь с любовницей.

Я никогда не была близка с Гислен, но даже после возвращения в Северную Америку порой вспоминала ее, задумываясь над тем, как умело она использовала эмоциональное воздействие на любовника ради собственной выгоды. И все же не Гислен и не давняя моя приятельница Кати вдохновили меня на то, чтобы написать о любовницах. При работе над книгой «История целибата» у меня возникла мысль о том, что связи с любовницами, как и обязательное безбрачие католического духовенства, являются тем фактором, сквозь призму которого можно исследовать вопрос о внебрачных связях женщин с мужчинами. И в конце 1990-х годов, еще не завершив работу над «Историей целибата», я начала заниматься исследованиями, связанными с книгой, которая позже вышла из печати под названием «История куртизанок».

Как-то внезапно мне бросилось в глаза, что в книгах, которые я читала, в повседневных новостях — всюду шла речь о любовницах. Я принялась составлять списки и делать выписки, пытаюсь понять природу внебрачных любовных отношений. Списки мои постоянно росли в объеме и множились. К числу наиболее ярких персонажей, попавших в мои записи благодаря прочитанным книгам и газетам, можно отнести Фиделя Кастро и Селию Санчес, его помощницу и любовницу. А также оперную певицу Марию Каллас и греческого судового магната, миллиардера Аристотеля Онассиса. И Вики Морган, любовницу Альфреда Блумингдэйла, одного из богатейших бизнесменов США, послужившую Доминик Данн прототипом главной героини ее романа «Неудобная женщина», который был экранизирован в 1991 г. И, конечно, президента Франции Франсуа Миттерана, у гроба которого после его кончины в 1996 г. рядом стояли жена и любовница.

Работа над книгой была уже в самом разгаре, когда три любовницы раскрыли тайну отношений со своими партнерами, пожелав в судебном порядке взыскать с них деньги, на которые предъявили свои права. После смерти американского журналиста Чарльза Куралта в 1997 г. его двадцатидевятилетняя любовница Патрисия Шэннон обратилась в суд, претендуя на часть его наследства, и выиграла дело. В 2000 г. Грейс Луи, бывшая любовница мэра Торонто Мела Ластмана, заявила, что он — отец ее сыновей Кима и Тодда (они были очень похожи на мэра). В 2001 г. юрист Кэрин Стэнфорд выиграла дело об алиментах: суд обязал священника Джесси Джексона, от которого она родила дочь Эшли двумя годами ранее, выплачивать средства на содержание девочки.

Даже президенты и принцы не могут устоять против обуревающих их страстей и заводят любовниц, несмотря на то, что связи на стороне могут опозорить их, получив широкую огласку в газетах и других средствах массовой информации. У президента Дуайта Эйзенхауэра была весьма специфическая «подруга» — англичанка по имени Кей Соммерсби. Джон Фитцджеральд Кеннеди имел связи со многими женщинами, включая кинозвезду Мэрилин Монро. Хоть история

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭТЕРНА»

www.eterna-izdat.ru

Наши книги отличает высокое качество текста, переводов и художественного оформления. «Этерна» — универсальное издательство. Основные направления: классическая и современная художественная литература; в т.ч. детективы; книги по моде; издания по психологии, медицине; прикладная литература, кулинария; книги для детей.

президента Билла Клинтона и незабываемой сотрудницы Белого дома Монике Левински по значимости сопоставима со скандальной связью английского принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз, последний роман длился гораздо дольше. Когда я взялась писать эту книгу, принц вызывал всеобщую неприязнь. Лишь несколько лет спустя его репутация стала понемногу восстанавливаться по мере того, как он сам и его эксперты по связям с общественностью не без некоторого успеха попытались изменить в лучшую сторону отношение к его многолетней любовнице, делая из нее подходящую кандидатуру для вхождения в королевское семейство.

Годы исследований и откровения состоявших в долговременной внебрачной связи мужчин и женщин — представителей как верхов, так и низов общества, — притупили мое восприятие супружеской неверности и изменили отношение к этой проблеме. Я стала больше внимания уделять структуре подобных отношений и присущим им общим чертам. Особенно меня интересовало то, как связи с любовницами сказывались на природе брака и отношениях между мужчинами и женщинами в разные исторические эпохи в культурах разных народов. После долгих раздумий я решила, что было бы неверно относиться

к любовным связям вне брака как к некоему общественному институту. Более плодотворным мне показался такой подход, при котором на конкретных примерах рассматривается опыт любовниц, позволяющий осветить истории отношений между мужчинами и женщинами в обществах разных эпох. Объединяя любовниц по категориям, отражающим особенности разных культур и исторических периодов, я смогла отобразить присущие этим культурам и временам обстоятельства. Мне также удалось сделать выводы о специфике восприятия данными обществами того явления, которое олицетворяли собой любовницы, и о том, как мужчины и женщины вели совместную жизнь в разные времена. Результатом такого подхода к собранному материалу стала книга, которую я назвала «История куртизанок».

Все права защищены. Никакая часть версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Элизабет Эббот — писательница и историк, бывший научный сотрудник Тринити-колледжа, Университета Торонто, большое внимание в работе уделяющая проблемам равноправия женщин и социальной справедливости. Она защитила докторскую диссертацию в университете МакГилл в Монреале по истории XIX в., много лет преподавала в Тринити-колледж и написала несколько книг, в том числе «Историю куртизанок», «Историю celibата», «Историю брака» и другие. Ее книги переведены на 16 языков.

Кто эта другая женщина? Привлекательная соблазнительница или просто женщина, которой не удалось найти себе мужчину? Эта книга посвящена поискам ответов на эти вопросы.

Камилла Паркер-Боулз, Моника Левински, Мэрилин Монро и многие другие — все они члены клуба любовниц. Но почему некоторые устраиваются лучше других? Новая книга «Куртизанки» Элизабет Эббот посвящена женщинам, связывавшимся с женатыми мужчинами — от наложниц в Китае до гейш в Японии, на протяжении всей известной истории таких отношений, вплоть до самой первой известной из письменных источников любовницы — Агари, египетской рабыни, о которой в Библии сказано, что она была близка с Авраамом. Мы спросили автора о том, что она узнала за четыре года изучения материалов, на основе которых была написана эта книга, — и что происходит с мужчинами, которые обманывают. (Мы смотрим на тебя, Шварцнеггер.)

В вашей семье своя необычная история отношений с любовницами...

Да, у моего прадеда, зажиточного муниципального советника Детройта, всегда были любовницы или «содержанки», как их было принято называть. Его жена ничего не могла с этим поделать, потому что тогда было другое время. Но она требовала от него, чтобы каждый раз, когда он дарил бриллиант любовницы, такую же драгоценность он дарил и ей. Мне иногда представляется, что при этом она думала: «Ну что ж, по крайней мере, мне не пришлось с ним ложиться, чтобы это получить». Со временем у нее накопилось много бриллиантов.

Кто был самой скандальной из всех любовниц?

В книге вы пишете, что максимум, на что может надеяться любовница, это на то, что ее отношения не кончатся катастрофой. Но Камилле Паркер-Боулз каким-то образом удалось избежать такой судьбы. Может быть, она самая удачливая из всех любовниц?

Лола Монтес, девизом которой было: «Что Лола хочет, то Лола получит». Это была англичанка, жившая в середине XIX в., и выдававшая себя за испанскую танцовщицу, которая исполняла чувственные танцы. Она источала сладострастие, в нее влюблялись самые разные известные мужчины, включая известного композитора Ференца Листа. В 1846 г. во время путешествия по Баварии она встретила короля Людвига, женатого на своей преданной супруге Терезе. Лоле хватило мимолетной встречи, чтобы покорить его сердце. Он был очарован ею, давал ей большие деньги. А народ ее презирал, люди нападали на нее и на ее дом. В конце концов, король отрекся от престола, а она сбежала.

Говорят, у Мэрилин Монро был роман с президентом Кеннеди, но ей как-то удалось сохранить репутацию!

Ее судьба сложилась трагично, а сама она была человеком очень непростым. В отличие от Лолы Монтес, которой это было нужно ради славы и денег, Мэрилин стала любовницей ради любви. Мне кажется, другие понимали то, что сама она не понимала, — что ее использовали, что большого любовного романа на самом деле не было. Это ей он казался огромным и прекрасным, чем-то просто фантастическим, что даже печально становилось. И прошлое ее было печальным: ее изнасиловал квартиросъемщик ее матери, а потом девочку отдали в детский дом; а в первом браке она была как жена-ребенок.

Да, я бы сказала именно так. Она вышла замуж за принца, и вела себя при этом с большим достоинством. Но кроме того принц Чарльз нанял агентство по связям с общественностью, чтобы постоянно поддерживать ее репутацию. Его сотрудники выясняли, что о ней говорят люди, потом анализировали эти отзывы и предлагали ей такие действия, которые улучшили бы отношение к ней. Ей удалось добиться успеха на этом поприще. Как еще она могла выстоять в соперничестве с его женой — молодой, популярной, прекрасной принцессой? Это оказалась победой содержания над формой. Я не хочу тем самым сказать, что у Дианы, обладавшей просто сказочной внешностью, был плохой характер, или что Камилла непривлекательна. Точнее, наверное, было бы сказать, что Чарльза мало волнует внешний вид.

Что самое удивительное из того, что вы выяснили в ходе исследования?

Мне всегда казалось, что в положении любовницы есть что-то возбуждающее, щекочущее нервы. На деле мне это только казалось — ничего гламурного в этом нет. Есть ли женщины, которые в роли любовниц бывают очень счастливы? Наверняка. Есть такие женщины, которые вполне счастливы и получают удовольствие от сексуальных отношений, во время встреч с любовником. Но они, наверняка, составляют меньшинство. (продолжение в номере 47 Газета «Монреальская»)